

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2019, Vol. 2, №2, (4)

Журнал Caucasian Science Bridge

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

07.00.00 «Исторические науки и археология»,

22.00.00 «Социологические науки»,

23.00.00 «Политология».

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

22.00.00 “Sociological Sciences”,

23.00.00 “Politics”,

07.00.00 “Historical Sciences and Archeology”.

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and socio-cultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 11.06.2019. Подписано в печать 27.06.2019. Выход в свет 28.06.2019. Печать цифровая, гарнитура Cambria. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 4,05.

Тираж 550 экз. Заказ № 57.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

© *Caucasian Science Bridge*, 2019

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джони Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртчян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Баня-Лукский университет, г. Баня-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и локализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско-Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский научный центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Bedrik Andrey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz – Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Alexander Georgievich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich – Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafiq Manaf oglu – Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich – Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das – Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato – Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna – Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich – Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Globalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna – Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Science Center of RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИКА БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Шевченко О.М. Современные геополитические трансформации как фактор актуализации проблемы идентичности в странах Евразийского региона	10
Зарбалиев В.З. Системные параметры и эволюция мировых геополитических эпох	16

РЕЛИГИИ И РЕГИОНЫ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Сургуладзе К., Барамидзе И., Диасамидзе Х., Копалеишвили Т. Католицизм в Грузии в первой половине XIV века	28
---	----

ЭТНОЛОГИЯ НАРОДОВ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Сериков А.В., Венцель С.В. Институты крымскотатарского народа в современном Крыму: этнополитическое и этноконфессиональное измерение с точки зрения радикализации	34
Чикарова Г.И. Диаспоры Ростовской области как субъект гармонизации межэтнических отношений	38

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Шапвалова А.М., Сальников А.В. Политика России по отношению к Ирану: вызовы и риски, сценарий развития отношений	46
---	----

Информация для авторов	53
-------------------------------	----

CONTENTS

GEOPOLITICS OF THE GREAT CAUCASUS

- Shevchenko O.M.** Current geopolitical transformation as a factor
identity in mainstreaming in Eurasia 10
- Zarbaliev V. Z.** The system parameters and the evolution
of the world geopolitical epochs 16

RELIGIONS AND REGIONS IN THE GREAT CAUCASUS

- Surguladze K., Baramidze I., Diasamidze K., Kopaleishvili T.**
Catholicism in Georgia in the First Half of the 14th Century 28

ETHNOLOGY OF THE PEOPLE OF THE GREAT CAUCASUS

- Serikov A.V., Ventsel S.V.** Institutions of the Crimean Tatar
people in modern Crimea: ethnopolitical and ethno-confessional
dimension from the point of view of radicalization 34
- Chikarova G. I.** Diasporas of Rostov region as a subject
of harmonization of interethnic relations 38

DISCUSSION TRIBUNE

- Shapovalova A.M., Salnikov A.V.** Russia's policy towards Iran:
challenges and risks, scenario for the development of relations 46

ГЕОПОЛИТИКА БОЛЬШОГО КАВКАЗА

УДК 316.74

Современные геополитические трансформации как фактор актуализации проблемы идентичности в странах Евразийского региона

О.М. Шевченко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматривается специфика современных геополитических трансформаций, которые оказывают серьезное влияние на место и роль национального государства в системе международных отношений. Авторы отмечают, что появление различных надгосударственных и наднациональных организаций, координирующих экономическую и политическую деятельность в современном мире, существенно снизило статус национального государства как ключевого субъекта международных отношений.

Ключевые слова: геополитические трансформации, национальное государство, государственный суверенитет, национальная идентичность, глобализация, регионализация.

Для цитирования: Шевченко О.М. Современные геополитические трансформации как фактор актуализации проблемы идентичности в странах Евразийского региона // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 3, №2. С. 10-15.

Current geopolitical transformation as a factor identity in mainstreaming in Eurasia

Olga M. Shevchenko

Sothern Federal University, Rostov on Don, Russia

Abstract. The article deals with the specifics of modern geopolitical transformations that have a serious impact on the place and role of the nation state in the international system. The authors note that the emergence of various supranational and supranational organizations coordinating the economic and political activities in the modern world, has reduced the status of the nation-state as the key actor in international relations.

Key words: geopolitical transformations, the national state sovereignty, national identity, globalization, regionalization.

For citation: Shevchenko O.M. Modern geopolitical transformations as a factor in the actualization of the problem of identity in the countries of the Eurasian region // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 3. №2. P. 10-15.

The current global transformations are radically converting the modern world order, including having a serious impact on the place and role of the national state. Having had the status of a key subject of international relations since the peace of Westphalia, the nation-state has now so weakened its position that it is now common to speak of its crisis.

The present state of being leads to the fact that the role of the national state in the conditions of globalization becomes a relevant topic in the scientific discourse.

A number of authors (A. Melucci, G. H. von Vrigt, R. Folk, S. Strange, R. Cooper) believe that the national state is leaving the historical arena, because it has completely outlived itself. It's place should be taken the supranational power and entities. The growing

influence of supranational ("planetary") organizations " ... has the consequence of both the accelerated exclusion of weak regions, and the creation of new channels for the allocation of resources ... removed ... from the control of various national States" (Бауман, 2002).

Answering the question about the prospects of the national state in the new world order, J. Rosenau and E. Giddens take a more moderate position. They deny the hyperglobalistic rhetoric of the historical end's onset of the nation-state as an institution, believing that the state is not only able to continue to defend its interests limited by territorial barriers, but also to influence the geopolitical situation as a whole, including through military force. According to J. Rosenau and E. Giddens, state sovereignty

today is not so much a territorially designated border as the source and resource of upholding rights and privileges within the framework of a common political system connected by complex transnational networks of states" (Гиддденс, 2004).

Of course, the globalization process has a significant impact on the role of the nation state in the system of international relations. The decline in the status of a national state became possible due to the emergence of various supranational organizations coordinating economic and political activities in the modern world. The emergence of new governance mechanisms leads to the fact that states and peoples are increasingly subordinated to the new global or regional authorities.

At the end of the XX and beginning of the XXI centuries, the problem of the sovereignty of the nation state and its independence in resolving issues of domestic and foreign policy sharply intensified. The modern understanding of sovereignty includes the idea of certain obligations of the state arising from the norms of international law, which entails the accountability of this subject of international relations to the world community. On the one hand, the possibility of state intervention in the internal affairs of other countries is recognized, on the other, the right of the state to control its own territory is called into question.

In the modern world, the scale of power interference in the internal affairs of nation states is objectively increasing. As a result, the exercise of power by authorities on one continent can have significant consequences for peoples on other continents. In fact, an increase in the extent of power relations means that power centers and the very exercise of power are increasingly moving away from areas experiencing their consequences. However, access to power centers is not provided for everyone: "... the political and economic elites of the world's major metropolises are much more integrated into global structures and have more control over them than the farmers of Burundi, who

are concerned with the problem of survival" (Хелд, 2011).

Restriction of sovereignty does not really apply to all states. States with sufficient economic, military, and technological potential — primarily the United States, as well as a number of states in Western Europe and Southeast Asia — do not allow their sovereignty to be eroded. Those who do not have such potential, while remaining formally sovereign, actually lose some of their real sovereignty.

Thus, globalization becomes a "tool for establishing a "new world order" by members of the "global club"" (Костина, 2009). It is based on the forced distribution by Western countries, led by the United States, of the neoliberal socio-economic model. The decrease in the role of the nation-state in world processes is due to the inability of a number of national political institutions to resist the spread of this model. The formation of new economic and political-economic unions, regional and international organizations, such as the Organization of Petroleum Exporting Countries (OPEC), the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the European Union, the World Trade Organization (WTO), etc., is a reflection of the global globalization trend. Being the structural elements of the global system, they are aimed at improving the management efficiency of both the world community as a whole and its individual parts, but at the same time they are not without certain contradictions. Their source: the presence of national, corporate, and clan interests that cannot be overcome in the modern system of relations.

In the context of global transformations taking place in the world, the economic sphere is becoming more and more politicized, since in achieving political goals, more and more often, not military, but, at first glance, peaceful, economic levers are used. According to Schmitt, the political sphere as a mechanism for dividing into "groups of friends and enemies" permeates the economic sphere of social life. Since economic differences acquire a political status,

the concept of "economic power position" arises. Its essence is that "... economically funded imperialism ... will try to introduce a condition on Earth in which he will be able to freely apply his economic means of power: an embargo on loans, an embargo on raw materials, the destruction of foreign currency, etc." (*Шмунт*, 1992).

Modern geopolitical transformations are fundamentally changing the alignment of political forces on the world stage. States can no longer be considered as purely "discrete worlds," because they are somehow integrated into complex global and regional structures. Despite the objectively existing inequality and hierarchy, even the most powerful states are affected by both globalization and regionalization.

The regionalization process deserves special attention, which intensified in connection with the emergence of regional centers of influence. According to A. Karimova, "... the semantic conjugation of the region with the distribution of power puts it at the center of political transformations" (*Каримова*, 2006).

The processes of regionalization are predominantly the counter-tendency of globalization, but they can also strengthen the latter. Regionalization contributes to the emergence of dividing lines between regional groupings of states; the separation of profitable and non-profitable zones that do not coincide with the geographical borders of nation-states; autonomy; the revival of traditionalism; localization fragmentation and fragementation.

Each of the above factors leads to certain consequences. Thus, the emergence of dividing lines between regional groupings of states allows them to strengthen their positions in a globalizing world. As a result of the separation of profitable and nonprofit zones that do not coincide with the geographical borders of national states, more and more power is transferred to the authorities of trans- and subnational regions, which become the "building material" of a new political map of the world in the interests of global corporations. Autonomization involves the

revival of religious, ethnic, national centers for the consolidation of communities within countries, regions, civilizations. Traditionalism contributes to the revival of archaic and nationalism. Through localization, ethnic and civilizational entities that pursue a policy of cultural autonomy are consolidated. The latter contributes to the preservation of various cultural areas with their particularistic value systems (tribalism, fundamentalism, nationalism, socialism, communism, etc.). Fragmentation of the world demonstrates the split and clash of interests of various international communities due to their national and cultural differentiation. Finally, fragmentation (a combination of integration and fragmentation processes) contributes to the formation of blocs and unions of nation-states in the form of complex hierarchical systems that will lead the struggle for decreasing world resources. In this context, the combination of the processes of globalization and European integration – regionalization – is a very interesting and ambiguous construction. If, in economic terms, European integration is a natural phenomenon of globalization, then politically, European integration is, in a certain sense, a response to the challenges of globalization, an attempt to integrate the economic potential of European countries and contrast European political unity with the growing power of American pressure. This is noted by many analysts. In particular, J. Chiesa writes: "American interests are strongly opposed to European ones ... in addition, the United States, which has been placed by history at the head of the entire world, instead of ruling the planet, is all more openly concerned with its own interests" (*Кьеза*, 2010).

Global transformations have a mixed effect on national identity. On the one hand, the process of erosion of national identity is obvious, which is manifested in the weakening of the role of nation states in world politics as a result of increased influence of supranational political and transnational economic institutions. Supranational and transnational institutions in one way or another undermine the national and cultural con-

texts of states that are irreplaceable for the majority by global self-determination. On the other hand, vigorous steps are being taken to develop and strengthen national identity, which, depending on the context, can be filled with both ethnic and even tribalist characteristics, and express citizenship (state) affiliation. Scientists who have gained special fame for their works on Nations and nationalism (B. Anderson, E. Gellner, E. Smith, etc.) believe that the national state in the modern world system will retain its significance. While acknowledging the convergence of Nations in the course of globalization, they deny that this trend contributes to the formation of people's indifference to the problems of their national life. This is confirmed by the growing importance of national identity. In the context of global unification, it performs a number of extremely important functions for the nation: integrative, normative, cognitive, adaptive, ideological, and spiritual-psychological.

Actualization of the problem of identity in such a situation is quite natural, since identity, first of all national, is one of the ways of self-determination in this world, finding meaning for the present and future of one's country. So S. Huntington believes that Iran, South Africa and Taiwan are characterized by a search, and in some cases, a revision of national identity. Modern China faces the challenge of turning a civilizational identity into a national identity. If an identity crisis occurs in some countries, discussions are sparked on this issue. Turkey and Russia are facing a similar dilemma today. So, according to N. Fedotova, our country continues to search for an answer to the question of its origins, and, as a result, identification with the Western or Eurasian world (Fedotova, 2006). The question of national identity is potentially facing European countries that have faced mass migration from Africa and the Middle East. Finally, countries whose sociocultural code is far from Western liberalism and individualism are beginning to worry about their own identity. "The crisis of national identity, summarizes the problem S. Huntington, has become a global phenome-

non" (Хантингтон, 2008). With regard to the actualization of the "national issue", in our opinion, it is closely related to the processes of adaptation of society to new social challenges. Since global transformations, as noted earlier, lead to a crisis of the nation state, such a form of self-identification as national identity is objectively subjected to a serious test. The formation of national identity is associated with the New Age. This form of identity has replaced the more archaic ethnic and ethno-religious forms. The key factor underlying the formation of the new identity was the economic interests of the European bourgeoisie. According to L. Greenfeld, nationalism as an ideology was originally associated with the protectionism of its economy (Greenfeld, 1992).

The European modernization of the New Age, which was based on the needs of rapidly developing capitalism, was a complex of interrelated socio-economic and political changes. This inevitably entailed the formation of the idea of national identity, in which the cultural and political identities merged (Fedotova, 2006).

Despite the objectively existing economic prerequisites for the formation of a nation, its final formation as a cultural and political community was preceded by the emergence of a nation state. The reason was that only the state was able to formalize and successfully impose on the folk, originally consisting of various ethnic groups, the whole range of national standards: cultural, linguistic, ethical, economic, economic, civil. Ideally, a nation is a folk whose territory and culture are a differentiating marker of identity, since the external borders of the state are made internal borders in the minds of citizens граждан (Балибар, 2003).

In connection with the foregoing, it is difficult to disagree with those who claim that nations are not formed or self-organized, but are built by the state with the help of a national idea (Геллнер, 2002).

Since in the modern world the national state is in a crisis situation, counter-tendencies arise, associated with a return to

more archaic than national forms of identity - ethnic and religious.

The most striking and at the same time tragic example of the actualization of ethnic identity was the events in Yugoslavia, which entailed not only internecine wars and bloody ethnic cleansing undertaken by Serbs, Croats and Kosovo Albanians, but also the collapse of the state, which caused global destabilization. For many decades, Kurdish ethnic self-identification has threatened the integrity of Turkey, accompanied by permanent hostilities. Ethnic self-identification has given particular urgency to the Georgian conflict, which entailed the actual separation of Abkhazia and South Ossetia from Georgia.

Appealing to ethnic identity in modern Europe is becoming the ideological foundation of movements for the sovereignty of the Catalans and Basques in Spain, the Scots in the UK, etc.

The revival of religious identity in a globalizing world is primarily associated with Islamic fundamentalism. If the terrorist attacks of al-Qaeda were aimed at sowing panic among the population and showing the vulnerability of even such a powerful state as the United States, the actions of the Taliban and ISIL movements to create an Islamic Caliphate on the territory of sovereign Afghanistan, Iran and Syria undermine the very idea of a secular national state and national identity.

As for the actualization of the national form of identity, in our opinion, it is most pronounced among the Eurasian countries in modern Russia. First, the ideological form of identity (the Soviet people) that personifies the idea of building communism has sunk into Oblivion along with the Soviet Union. Secondly, the collapse of the USSR as a great power was a blow to the sense of national pride of the country's population. Thirdly, the separatist movements that intensified after the collapse of the USSR, under the conditions of the objectively existing multi-confessionality and multi-ethnicity, threatened to lead to disintegration within Russia itself. The reason was that the principle of administrative-territorial division both

in the USSR and in Russia de jure was based on the principle of national autonomy. In addition, the experience of Yugoslavia testified to the possibility of the collapse of Russia under the influence of centrifugal trends associated with the ethnic factor. Events such as the Chechen war, the intensification of Islamic fundamentalism in Dagestan, as well as Tatarstan's earlier attempts to secede from the Russian Federation, contributed to a number of state initiatives to form a national Russian identity at a new stage in the country's historical development.

The political leadership of the Russian Federation attempts, firstly, to revive the sense of national pride, appealing to the country's historical past, the large-scale achievements and victories of the Russian Empire and the USSR. Secondly, to actualize the feeling of national exceptionalism, cultivating in the minds of Russians the idea of a fundamentally different and autonomous value-worldview attitude towards the West. Thirdly, to reanimate the messianic ideas characteristic of the Russian mentality, which is reflected in military and economic assistance to those peoples and states in respect of which the principle of justice is violated. The most controversial are the attempts of the Russian state to unite the nation on a confessional (Orthodox) basis, since Christianity is a traditional religion only for a part of the country's population. In the context of the foregoing, the author notes: in a globalizing world, both cosmopolitan, essentially entropic, and local, and even tribalistic, value-world outlooks and, as a result, methods of self-identification prevail. The revival of national identity as a symbiosis of civil, cultural and territorial unity is constructive in modern conditions. The national form of identity indirectly contributes to the preservation of the main legitimate unit of international relations - the national state, and ultimately acts as a guarantor of stability on a global scale.

Литература

1. Балибар Э. Нация как форма: история и идеология // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: Логос – Альтера, Ессе Номо, 2003. – С. 103-122.

2. Бауман З. Национальное государство – что дальше? // –Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 31-57

3. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Практикс, 2002. – 416 с.

4. Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории: Антология. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 340-348.

5. Каримова А.Б. Регионы в современном мире // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – С.32-41.

6. Костина А.В. Кризис современной идентичности и доминирующие стратегии идентификации в границах этноса, нации, массы // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – №4. – С. 167-175.

7. Къеза Дж. Война империй: Восток-Запад. Раздел сфер влияния. – М.:Эксмо. 2006. – 320 с.

8. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2010. – 318 с.

9. Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. 9. – № 3. – С.75- 92.

10. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: Издательская группа АСТ, 2008. – 640 с.

11. Хелд Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. – М.: Практикс, 2004. – 576 с.

12. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37-67.

13. Greenfeld Liah. Nationalism: Five Roads to modernity / L. Greenfeld. – Cambridge, 1992. – 581p.

References

1. Balibar E. (2003). Natsiya kak forma: istoriya i ideologiya [Nation as a form: history and ideology]. In Balibar E., Wallerstein I. Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennyye identichnosti [Race, nation, class. Ambiguous identities]. – М.: Logos - Altera, Ecce Homo.

2. Bauman Z. (2002). Natsional'noye gosudarstvo – chto dal'she? [The national state - what

next?]. Otechestvennyye zapiski [Domestic notes], 6, 31-57. (in Russian).

3. Chiesa J. (2006). Voyna imperiy: Vostok-Zapad. Razdel sfer vliyaniya [War of Empires: East-West Section of spheres of influence]. М.: Eksmo. 320 p.

4. Fedotova N.N. (2006). Mul'tikul'turalizm i politika razvitiya [Multiculturalism and development policy]. Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii Journal of Sociology and Social Anthropology, 3, 75-92.

5. Gellner E. (2002). Prishestviye natsionalizma. Mify natsii i klassa [The coming of nationalism. Myths of the nation and class]. In B. Anderson, O. Bauer, M. Hroh and others. Natsii i natsionalizm [Nation and nationalism]. М.: Praxis. 416 p.

6. Giddens E. (1995). Postmodern [Postmodern]. In Filosofiya istorii: Antologiya [Philosophy of History: Anthology]. М.: Aspect Press, 340-348.

7. Greenfeld Liah (1992). Prishestviye natsionalizma. Mify natsii i klassa [Nationalism: Five Roads to modernity]. L.: Cambridge, 1992. 581p.

8. Held D. (2004). Global'nyye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura [Global Transformations: Politics, Economics, Culture]. М.: Praxis. 576 p.

9. Huntington S. (2008). Kto my?: Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti [Who are we? Challenges of American National Identity]. М.: AST Publishing Group. 640 p.

10. Karimova A.B. (2006). Regiony v sovremennom mire [Regions in the modern world]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological studies], 5, 32-41.

11. Kostina A.V. (2009). Krizis sovremennoy identichnosti i dominiruyushchiye strategii identifikatsii v granitsakh etnosa, natsii, massy [The crisis of modern identity and the dominant identification strategies within the boundaries of an ethnic group, nation, mass]. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye [Knowledge. Understanding. Skill], 4, 167-175.

12. Malakhov V.S. (2010). Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya [Nationalism as a political ideology]. М.: KDU. 318 p.

13. Schmitt K. (1992). Ponyatiye politicheskogo [The concept of political]. Voprosy sotsiologii [Questions of sociology], 1, 37-67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шевченко Ольга Михайловна

Профессор, доктор философских наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения Южный федеральный университет
E-mail: olgashv2007@yandex.ru

Поступила в редакцию 7 апреля 2019 г.

УДК 316.74

Shevchenko Olga Mikhaylovna

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Conflictology and National security, Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
E-mail: olgashv2007@yandex.ru

Системные параметры и эволюция мировых геополитических эпох

В.З. Зарбалиев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: в статье анализируется, как исторически происходило формирование геополитических эпох, какие события кардинальным образом оказали влияние на глобальную архитектуру взаимоотношений. Указываются основные центры глобальной силы того или иного геополитического порядка и соответствующие формы организации гегемона. Выявлены особенности в процессе смены геополитических эпох. Проанализированы геополитические сценарии развития мирового сообщества, последствия их формирования, на основе этого выявлена приемлемая геополитическая модель мироустройства с учетом нынешних реалий.

Ключевые слова: международные конфликты, эволюция, геополитические эпохи, система, пространство, конкуренция, гегемон.

Для цитирования: Зарбалиев В.З. Системные параметры и эволюция мировых геополитических эпох // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 3, №2. С. 16-26.

The system parameters and the evolution of the world geopolitical epochs

Vadim Z. Zarbaliev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract: the article analyzes how the formation of geopolitical epochs historically took place, what events have had a cardinal impact on the global architecture of relations. The main centers of global power of this or that geopolitical order and the corresponding forms of the organization of the hegemon are specified. Features in the process of changing geopolitical epochs are revealed. The geopolitical scenarios of the development of the world community, the consequences of their formation are analyzed, on the basis of this an acceptable geopolitical model of the world order is revealed taking into account current realities.

Key words: international conflicts, evolution, geopolitical epochs, system, space, competition, hegemon.

For citation: Zarbaliev V. Z. The system parameters and the evolution of the world geopolitical epochs // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 3. №2. P. 16-26.

Введение

Каждый субъект международной арены, в интересах которого стоит борьба за контроль над пространством и увеличение своего присутствия на разных территориях мира обладает определенными возможностями. Процесс развития территории возможен при эффективном использовании его потенциала, где немаловажное значение отводится грамотной комбинации составляющих этот потенциал.

Существует несколько ключевых путей увеличения совокупности всех имеющихся ресурсов. Одним из них является поступательное развитие, которое заключается в пошаговом росте культурной, технологической, экономической, социальной и политической сфер, кроме этого к точкам роста относится усиленное развитие, обусловленное модернизацией. Таким образом, пути уменьшения потенциала со-

ставляют противоположно направленные к росту процессы, а именно стагнация и дезинтеграция.

Имеющийся у каждого субъекта международного сообщества потенциал формирует систему, которому дали название «баланс сил». Баланс сил представляет собой распределение глобального могущества между субъектами геополитики. Распределение сил между акторами в соответствии с масштабом его рассмотрения имеет два уровня: региональный или глобальный. Расклад сил на мировой арене неизменно подвергается трансформации, однако для этого процесса выделяется одна характерная черта – преобразование в разное время воплощается в действительность с неодинаковой скоростью.

Наступление периода относительной стабилизации глобального баланса сил служит причиной утвер-

ждения геополитической эпохи. При дестабилизации баланса сил учитывая различные обстоятельства, формируется новое соотношение сил и тем самым принципиально новая геополитическая эпоха. В то же самое время промежуток времени перехода от существующей эпохи к следующей не краткосрочный, и в этот период развиваются ключевые изменения, столкновения разных форм и интенсивности.

В качестве крупных столкновений, которые способствовали изменению баланса сил и переходу к новой геополитической эпохе можно отметить: Тридцатилетнюю войну (1618 – 1648), Наполеоновские войны (1799 – 1815),

Первую (1914 – 1918) и Вторую (1939 – 1945) мировые войны (Кефели, 2019). Для конфликтных периодов характерным является тот факт, что в действительности временные рамки прямых военных столкновений между международными субъектами составляли несколько лет, при этом в оставшееся время периодов столкновения осуществлялась упорная борьба на каждом уровне пространства. По завершению вышеперечисленных военных конфликтов происходило формирование принципиально новой расстановки сил в мире между наиболее значительными по весу государствами. В частности, итоги Тридцатилетней войны заложили первый в истории мировой баланс сил, оформившийся как Вестфальская эпоха. С окончанием войн, которые велись Наполеоном против ряда Европейских стран, сформировалась Венская геополитическая эпоха с характерной ей особенностями в плане распределения сил. По итогам Второй Мировой войны образовалась Потсдамская эпоха, отличавшаяся своей содержательной сущностью противостоянием двух блоков государств, которая именовалась Холодной войной. Собственно говоря, Вестфальская, Венская и Потсдамская эпохи, кроме этого пе-

реходные периоды, имеющие отношение к Тридцатилетней, Наполеоновскими, Первой и Второй мировыми войнами, оказались знаменательными моментами глобализации (Костров, 2015).

Параметры мировых геополитических эпох

К первой по счету геополитической эпохе мирового масштаба, как правило, относят Вестфальскую систему международных отношений. Еще с древних времен распределение сил между государствами строилось на региональном уровне в разных частях Земли. Но именно к XVII столетию по итогам политики европейских стран, направленной на покорение различных территорий мир кардинальным образом изменился, где его сущностным наполнением стало образование социально-экономической и политической системы с центром в Европе. Поскольку в Тридцатилетнюю войну, причиной которой оказались религиозные противоречия были втянуты практически все европейские страны, ряд из которых выделялись в качестве колониальных держав, то, в сущности, по своему масштабу она стала первой глобальной войной. Сформировавшееся в результате войны соотношение сил в Европе, автоматически приобрело мировое значение. Вестфальский мир 1648 года заложил основу для формирования первого в истории глобального баланса сил.

В Вестфальскую геополитическую эпоху в качестве субъекта первостепенной важности выступало национальное суверенное государство. К примеру, на начальном этапе главенствующую роль на международной арене играли Испания, Королевство Франция, Англия, Нидерланды и Швеция. В первой четверти XVIII столетия по итогам Великой Северной войны происходит ослабление мощи Швед-

ского королевства, в то же время на европейскую и мировую арену выходит Россия. Следует отметить существующие различия в контексте развития государств того времени. Многие европейские страны двигались вперед благодаря портовым зонам, установлению контроля над морским побережьем в других частях света. Россия же в силу своего географического расположения осуществляла процесс развития не за счет внешних ресурсов, а внутренних. В определенной степени ограниченность в географических возможностях побудила Россию развиваться быстрыми темпами. Такие обстоятельства уже в Вестфальскую геополитическую эпоху привели к переходу России к имперской форме строительства большого пространства (Шубин, 2008).

Потрясение Вестфальской эпохи и переход к Венской системе международных отношений сопряжены с амбициями Франции. Выгодное географическое расположение страны (близость и непосредственное соседство с развитыми центрами мира, выход к морю) имеет прямое отношение к достигнутому высокому уровню прогресса. Аграрный юг и торгово-промышленный северо-запад Франции, а также эффективное использование в своих интересах выхода к морю предоставили возможность достигнуть успехов не только в экономической сфере, но и динамично расширять свое влияние в территориях, не располагающихся в Европе.

Обладая существенными достижениями во время решения своих задач на ранней стадии, проект Франции в итоге не был реализован ввиду ряда значительных факторов. Во-первых, европейское региональное объединение предполагалось под флагом образующейся французской национальной идеи. Во всяком случае в интересах остальных народов Европы не находилось расставание со своей свободой в пользу одной нации, к тому же на долговременной основе. Следующим мо-

ментом краха реализации поставленной цели оказалось объединение остальных игроков против субъекта добывающегося признания за собой главенствующего положения. Очередным фактором неудачи геополитических претензий Франции стало решение осуществления похода на Российскую империю. Покорив континентальную часть Европы, у Французской империи в качестве крупных соперников оставались – Англия и Россия. Из-за географической защищенности Англии благодаря проливу Ла-Манш Наполеон решил укрепиться на восточном направлении для обеспечения защиты своего господствования в Европе со стороны суши, а также установления контроля над бесчисленными природными ресурсами. Допустив неудачный исход на начальном этапе войны, Россия оказалась в состоянии активизироваться и одержать победу над Францией и его сателлитами.

Имперские притязания Франции и триумф Российской империи продемонстрировали результативность и непредотвратимость образования пространства на основе имперского принципа как региональной и трансрегиональной стадии объединения глобального пространства. В новую геополитическую эпоху, названной Венской и оформленной в 1815 году основная субъектная роль в международных делах стояла именно за империями.

Для Венской геополитической системы характерным является наличие двух выраженных периодов. На начальном периоде данной системы (1815–1853 гг.), в континентальной части Европы главенствующую роль играет Россия, в то время как на морских просторах преимущество на стороне Англии, исходя из сказанного, можно констатировать, что система была двухполюсной. Соперничество между державами осуществлялось на различных территориях мира, однако ключевым пространством геополитической

конкуренции оказалась Европа. Англия в качестве своего довольно быстрого прогресса, используя ресурсы зависимых от нее территорий, продемонстрировала высокую активность в этой борьбе и при этом ставила своей задачей привлечение государств Европы к противостоянию с Россией. Реализация поставленной цели велась не только с использованием мобилизации европейских государств, но применялись и другие геополитические технологии, к которым следует отнести информационные методы: организовывались оппозиционные эмигрантские издательские центры, и поддерживалась доставка их печатной продукции в Россию. Одновременно с информационными методами реализации геополитических целей проводились подрывные действия на территории противостоящей стороны.

Превалирование России по мощи над другими государствами континентальной Европы послужило основой для объединения государств против нее, которые в прошлом находились во враждебном состоянии. Главным образом имеется в виду объединение Англии и Франции, совместные действия, которых привели к неудачному исходу для Российской империи, оказавшейся не в силах противодействовать совместному потенциалу государств Европы. Морские коммуникации имеют принципиальное значение в расширении пространства субъекта, во многом это положение подтолкнуло объединение ряда европейских стран во время Крымской войны осуществить нападение именно на портовые зоны Российской империи. Играющей значимую роль в антироссийской коалиции у Англии в первостепенных задачах стояло отрезать Россию от морских путей сообщения. В конечном счете, Российская империя, несмотря на поражение, удержала порты, и это предоставило ей возможность для скорого

возвращения своего присутствия на морях.

В роли главных игроков второго периода Венской системы оказались Российская, Британская, Французская, Австро-Венгерская и Османская империи. При закате Венской геополитической системы на региональном уровне о своей мощи заявляют Германия и Япония, в интересах которых стояло увеличение своей территории. Усиление роли Германии и Японии в основном будет благоприятствовать расшатыванию баланса сил на региональном и глобальном уровне, а также постепенному перемещению к принципиально новой геополитической эпохе.

Версальская система, которая образовалась после проигрыша Тройственного союза, абсолютно преобразовала расклад сил на мировой арене. От договора, подписанного в Версале в 1919 году, наибольшую выгоду получили Великобритания и Франция. Колонии Германии, а также Турции были поделены по одобрению Лиги Наций, учрежденной по итогам Версальской системы. В соответствии с планом Вудро Вильсона Россию, подразумевалось поделить на сферы влияния. К примеру, Кавказский регион необходимо было расценивать как часть Османской империи, Центральную Азию передать под протекторат тому или иному европейскому государству. На Вашингтонской конференции 1922 года США удалось добиться права обладать одинаковым по размеру с Британией военным морским флотом, при помощи которой обеспечивалось контролирование морским пространством.

Посредством «марионеточной» Лиги Наций государства-триумфаторы сформировали на территории, располагающейся между Германией и Россией своего рода барьерную зону из стран, которые были ориентированы на Великобританию и Францию. Следовательно, две державы отличавшихся могуществом в континентальной

части в какой-то мере утратили возможность осуществления тесного взаимодействия. В основу сформированной геополитической системы не были заложены интересы России, Германии, а также Китая, однако игнорирование интересов данных держав не способствовало бы достижению долгосрочного существования мировой политической системы.

По завершению Второй мировой войны Версальская система прекратила свое существование. Самая значительная тяжесть этого столкновения двух глобальных коалиций пришлась на СССР, которая понесла колоссальные человеческие и материальные потери, однако вышла из войны в военно-стратегическом плане более могущественным. Впервые Россия выстроила вокруг себя внушительный геополитический блок, в будущем на сокрушение которой посредством использования информационной и идеологической технологии потребуется около полувека (Маринченко, 2009).

Прежнюю геополитическую систему заменяет Потсдамская эпоха, зародившаяся в 1945 году с подписанием Потсдамской системы договоров, установившие принципиальной иной расклад геополитических сил. Принятие этих договоров способствовало формированию биполярной геополитической системы: первой основополагающей силой данной системы становится СССР и страны, находящиеся с ним в союзе, образующие континентальную силу, а второй США со своими союзниками, составляющие в основном морскую силу.

Соперничество данных полюсов определило сущность Потсдамской системы, отличительной чертой которой стала геополитическая конкуренция двух крупных блоков шедшая с высокой вероятностью катастрофической развязки. Как оказалось, экономика СССР была невосприимчива к современным для своего времени достиже-

ниям научно-технической революции, а политические лидеры государства не прочувствовали принципиальной значимости технологической модернизации страны. Потсдамская эпоха пришла в упадок с распадом Советского Союза, и биполярная геополитическая модель трансформировалась в однополярную модель.

На замену прежней геополитической системы приходит Беловежская эпоха, ее сущность заключается в формировании иного глобального порядка новым гегемоном планеты в лице США на принципах Версальской системы, где России не было места на международной арене как политического центра первого плана. Поиски сущностного наполнения Беловежской эпохи приводят к констатации наличия заинтересованности единоличного гегемона в недопущении возрастания значительной роли на мировой арене со стороны таких государств как: Россия, Китай, Индия и др. Заслуживает внимания прекращение существования Организации Варшавского договора (ОВД) в 1991 году, однако вопреки этому НАТО не было упразднено, военно-политический блок стал развиваться дальше, и увеличился в размерах: после окончания функционирования ОВД в состав НАТО к 2017 вошли 13 новых государств.

Начальный период Беловежской эпохи был отмечен значительным числом военных столкновений на всем земном шаре. Впервые после завершения Второй мировой войны разразились военные конфликты на территории Европы, а именно на Балканском полуострове и Северо-Кавказском регионе, стремительно усилилось противостояние за обладание энергетическими ресурсами.

Несмотря на такую обстановку Россией в значительной степени были преодолены политические и социально-экономические проблемы, возникшие после распада Советского Союза.

Не меньшее впечатление, чем успехи во внутренней политике, вызвали достижения страны на международной арене, которая в последнее время упрочила свои позиции в мире в каче-

стве великой державы, осуществляющей гибкие и продуманные взаимоотношения с другими государствами, принимая во внимание собственные национальные интересы.

Особенности процесса смены геополитических эпох

Таблица 1.

Название геополитического порядка	Временные рамки	Рубежные события	Основные центры глобальной силы	Форма организации субъекта
Вестфальская	1648-1814	Вестфальский мир	Испания, Португалия, Голландия	Национальное государство
Венская	1815-1917	Венский конгресс	Россия, Австро-Венгрия	Империя
Версальская	1918-1944	Версальский мир	Великобритания, США, Франция	
Потсдамская	1945-1990	Потсдамская конференция	СССР, США	Глобальная империя
Беловежская	1991-2010	Договор о разрушении СССР	США	
Постбеловежская	2010- по наст время		Россия, США, Китай	

Проведя анализ процесса смены геополитических эпох, мы замечаем ряд особенностей. Первым значительным моментом становятся временные рамки развития той или иной эпохи: принципиально новая геополитическая эпоха по сравнению с предыдущей существует меньше. По всей видимости, такое положение связано со скоростью различных процессов благодаря постепенному развитию человечества.

К следующей немаловажной особенности отнесем смену основных центров глобальной силы: для каждого центра силы характерно наличие своего срока величия. Переход к следующей геополитической эпохе ознаменует исчезновение старых центров силы, где на их смену приходят новые. Однако, некоторые из них способны сохранять значимую роль на протяжении нескольких эпох и при угасании своего

влияния в силах заявить о себе спустя одну или несколько эпох.

Третьей отличительной чертой является сущность формы организации глобального субъекта: в процессе развития человечества мы приходим от ранних государств к глобальным державам современности, осваивающими космическое пространство. В геополитике пространство является центральной категорией, изначально включавшей лишь среду, в которой пребывало государство. С течением времени данная категория стала включать и остальные среды, лишенные связи с непосредственно контролируемой государством землей. По мере перехода на новые ступени развития государства мира направляли свои усилия на изменение занимаемого ими пространства (Баранова, 2019).

Геополитические сценарии развития мирового сообщества

В настоящее время следует отметить отсутствие четко сложившейся геополитической модели мирового устройства, иными словами мир находится на переходном этапе. В ходе трансформационных сдвигов на международной арене может сложиться та или иная системная реальность. Одним из типов мирового устройства является однополярность, сущность которого состоит в обладании наибольшим влиянием в мире одного центра, именуемого гегемоном. Главной чертой в анализе однополярного типа мирового устройства становится учет общих принципов специфики распределения глобального влияния между центрами сил, на том основании, что данная система характеризуется чрезвычайно неравномерным расщеплением силы на международной арене в пользу одного центра. В этой связи потенциальную трансформацию однополярного мира стоит рассматривать в качестве политики второстепенных государств, направленной на устранение преобладания главенствующего положения государства-гегемона. От степени кооперации второстепенных игроков и используемых ими методами во многом зависят перспективы целостного изменения однополярной системы.

В свою очередь для центра силы важную роль играет политика, ориентированная на признание со стороны остальных государств легитимности однополярной конфигурации глобального порядка, а также прикладывание усилий по ее поддержанию. В случае восприятия функционирующего международного порядка существенной частью стран мира по тем или иным причинам больше не допустимой, в таком случае менее сильные государства прибегают к весьма решительным мерам и активизируют свою деятельность для преобразования мировой геополитической архитектуры. Одним из факторов роста желаний второсте-

пенных стран изменить текущее положение дел может служить довольно агрессивная политика самого влиятельного государства.

Трансформация однополярной системы усилиями заинтересованных в этом государствах в принципиально новую представляется весьма сложной задачей. Трудности внешнего воздействия на центр силы основываются, прежде всего, на достижении взаимопонимания между членами возможного объединения. Дополнительные сложности заключаются в осознании риска, которое несет в себе объединение второстепенных государств против гегемона, поскольку провалившаяся стратегия по трансформации международной системы повлечет за собой наказание со стороны сверхдержавы. Вторая причина перехода на новую мировую систему при однополярности связана с внутренними дестабилизирующими процессами, происходящими в центре силы.

Так как для страны-лидера однополярной системы имеет принципиальное значение укрепление своих позиций на международной арене и незаинтересованность в росте могущества менее сильных стран, то создается необходимость обеспечения своего лидирующего положения в мире. Постепенная потеря сверхдержавой значительной роли на мировой арене может стать катализатором объединения остальных системообразующих игроков в целях противодействия политике сверхдержавы, которая в такой ситуации вынужденно истощает свои финансовые ресурсы, что подрывает его статус единоличного гегемона. С целью поддержания главенствующей роли в международных делах сверхдержава обращается к разработке различных идеологических проектов, базирующихся на апелляции к всеобщим ценностям и стремлениям. Опираясь на вышесказанное, заметим значительный вес идеологии в плане обеспече-

ния устойчивости однополярной геополитической модели мирового устройства (*Сергунин, 2016*).

В основу биполярной конфигурации мирового устройства входит наличие двух государств, у которых имеется колоссальное влияние на международной арене по сравнению с другими акторами. Немаловажен тот факт, что государство образующее биполярную систему способно в одиночку противостоять даже союзам других государств.

Исследователями установлено наличие биполярного соперничества еще в античных временах. К примеру, американский исследователь Р. Гилпин к биполярному соперничеству в пределах определенной территории относит длительное противостояние Спарты и Афин в VI в. до н.э. (*Gilpin, 1988*). Ученый провел анализ вышеуказанной конфигурации, которой было место в то время, и пришел к следующему выводу – развитие слабого по мощи государства осуществляется более высокими темпами в сопоставлении с иными государствами, географически входящими в регион.

К еще одному знаменитому и значимому противостоянию античного времени, итоги которой кардинальным образом сказались на будущем развитии Европы можно отнести соперничество Рима и Карфагена (III – I века до н.э.). Безусловно до Первой Пунической войны Карфаген был самым могущественным государством в Западной части Средиземного моря, контролировавшим море благодаря своему флоту, с сильной экономикой и армией, правда в основном наемной (*Miles, 2011*). Однако Карфаген постепенно утрачивал свои позиции, для краткого описания процесса спада этого государства можно привести одну цитату: «Великий Карфаген вел три войны. После первой он еще оставался великой державой, после второй он еще существовал, после третьей он был уничтожен».

Рим после победы над Карфагеном во Второй Пунической войне (218 – 201 до н.э.) занял лидирующую позицию в плане мощи и влияния в западной части Средиземного моря.

При наступлении времени, когда «растущее» государство оказывается на высокой ступени развития, то происходит ее столкновение с государством, прежде преобладавшим по влиянию и силе в данном регионе или на всем глобальном пространстве. В результате такое положение дел служит началом формирования биполярной модели взаимоотношений и неизбежной борьбы двух государств за единоличную гегемонию, что в свою очередь рано или поздно порождает принципиально новую глобальную систему (*Дробот, 2015*).

Переходя к рассмотрению следующего момента в рамках биполярной геополитической модели мирового устройства, а именно вопросу устойчивости и стабильности во взаимоотношениях между акторами в такой системе, то мы придем к ее неоднозначной оценке ввиду существования как положительных, так и ряда отрицательных сторон.

Говоря о плюсах биполярной системы, то, прежде всего, отметим довольно значительный уровень стабильности вследствие огромной разницы в развитости различных сфер двух лидирующих держав и всех других государств, не имеющих возможности оказывать сопротивление их воле. «Слабые» государства не имеют возможности для совершения действий, направленных на изменение расстановки сил на международной арене, так как для совершения подобных шагов необходимо обладать существенными ресурсами, которыми они попросту не располагают. При данных обстоятельствах становится ясной логика некоторых государств, которые присоединяются к одной из держав и отдают часть своего суверенитета взамен эко-

номической помощи и военной защиты, поскольку такой шаг является для них менее затратным.

К следующему положительному моменту биполярной геополитической модели отнесем стабильность при заключении между странами договоров союзнического характера. Менее влиятельные государства в такой системе находятся в положении, где формирование личной безопасности возможно только при реализации присоединения к одному из великих держав, следовательно, нарушение обязательств перед гегемоном не входит в их интересы, поскольку появится риск потерять защиту.

Как любая геополитическая модель мироустройства биполярная конфигурация помимо плюсов обладает и существенными минусами. Сущность мирового противостояния такова, что наличие двух соперничающих сторон рано или поздно приводит к ослаблению одного из них, в результате которой на мировой арене остается одна сверхдержава, доказательством этого суждения могут служить ранее указанные исторические противостояния государств. После победы одной из двух держав биполярной геополитической модели, в мире остается единственное государство с огромным влиянием и формируется однополярное устройство, в котором страна-лидер не будет заинтересована в развитии остальных государств и станет вести политику, направленную на сохранение своего статуса, что в конечном итоге может привести к конфликтам.

Биполярный мировой порядок завершил свое существование после распада СССР, на его смену пришел однополярный мир, где главенствующую роль играли США. Опережая остальные государства мира по совокупным параметрам прогресса: культурному влиянию, лидерству в сфере науки, военной и экономической мощи Соединенные Штаты оказались единственным

государством с колоссальным влиянием на международной арене.

Сложившаяся обстановка требовала для Вашингтона сохранения своего статуса единственной сверхдержавы, что поспособствовало осуществлению плана «*Rax Americana*» в 1991–2008 гг. США в ходе исполнения своей политики по удержанию однополярной модели мироустройства, использовали в своих интересах всевозможные технологии, способствовавшие сдерживанию роста могущества других государств мирового сообщества, иногда прибегали к применению военной силы в отношении неугодных стран. Вышеизложенные действия привели к различным потрясениям на мировой арене, послужили источником несоблюдения принципов и норм международного права.

В период президентства Барака Обамы (2009 – 2017) во внешней политике Соединенных Штатов Америки наблюдается переломный момент плана «*Rax Americana*». Особых результатов не показали и заверения демократов о настроенности на стабилизации международной обстановки, коллективном решении глобальных конфликтов и кризисных явлений.

Приход к власти в США президента Дональда Трампа ознаменовал собой жесткое отстаивание жизненно важных интересов страны, при этом особо не принимаются во внимание все, что не входит в первоочередные интересы. При таких обстоятельствах, модификация системы международных отношений в настоящее время оказалась более динамичной (*Алексенко, 2017*).

Современные преобразования в раскладе геополитических сил связаны с развитием Китая и Индии, которые обладают самыми большими демографическими ресурсами и входят в семерку самых крупных стран мира по площади. Эти государства поэтапно достигают высоких результатов в эконо-

мической и военно-политической сферах, при этом обладают ядерным оружием.

Особое место в изменении расклада сил в мировой геополитике занимает возвышение России, имеющее ощутимые ресурсы для поддержания за собой статуса великой державы. Более того, по количеству ядерных боеголовок Россия и США занимают лидирующие позиции, и между ними существует ядерный паритет. При позитивном стечении обстоятельств возможно становление самостоятельного центра силы основу, которой будут составлять Россия вместе с остальными странами СНГ и способного наравне составлять конкуренцию другим центрам сил.

В итоге рассмотрения данного вопроса мы приходим к выводу, что становление полицентрической системы в значительной степени уменьшило вероятность сохранения одного государства в роли единоличного гегемона на международной арене и способствует формированию более стабильных взаимоотношений между государствами мира.

Заключение

Динамика международных отношений определяется тем, что по самой своей природе мощь государства представляет собой относительную величину: выигрыш одного государства если не всегда, то, во всяком случае, нередко оборачивается потерей для другого государства. Иначе говоря, действует принцип игры с нулевой суммой. Поэтому каждое государство, будучи озабочено возможностью нападения и установления господства со стороны другого государства, стремится усилить собственную безопасность путем наращивания своей мощи.

Некогда доминирующие государства постепенно теряют способность навязать свою волю другим и защищать свои интересы. Восходящие государства, в свою очередь, во всевоз-

растающей степени ставят вопрос об изменениях в системе, которые бы отразили их вес и интересы. И наконец, если создается некая патовая или тупиковая ситуация, вопрос о том, кто именно займет руководящие позиции в новой системе, может решаться в ходе той или иной формы конфликта или войны.

В итоге цикл изменений завершается тем, что война и следующий за ней мир создают новые статус-кво и равновесие, отражающие новое распределение сил в системе. Как правило, в периоды стабильности и установившегося порядка международная система существует в состоянии некоего гомеостаза или динамического равновесия, хотя на уровне межгосударственных отношений и происходят постоянные изменения тактики поведения.

Наступающие в результате разного рода серьезных конфликтов и войн нарушение равновесия и смена лидеров в международной иерархии приводят к экономическим, технологическим и политическим изменениям, которые в свою очередь ведут либо к значительному увеличению потенциальных выгод, либо к уменьшению потенциальных издержек одного или нескольких государств (Гаджиев, 2016).

Литература

1. Алексеев О.А. Перспективы России в полицентричной системе международных отношений Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 226-230.
2. Баранова Н.А. Политология. / под ред. Н.А. Баранова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 207 с. – (Серия: Профессиональное образование).
3. Гаджиев К.С. Геополитика: учебник / К.С. Гаджиев. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 376 с. – Серия: Академический курс.
4. Дробот Г.А. Перспективы биполярного мира США – Китай // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2015. № 3. С. 13-27.
5. Кефели И.Ф., Плебанек О.В. Социокультурная динамика смены геополитических эпох // Психолого-педагогические проблемы без-

опасности человека и общества. 2013. № 2 (19). С. 11-14.

6. *Костров А.В.* Геополитика. / А. В. Костров. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 119 с.

7. *Маринченко А.В.* Геополитика. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 429 с. – (Высшее образование).

8. *Сергунин А.А., Субботин С.В.* В поисках нового мирового порядка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. № 6 (339). С. 186-196.

9. *Шубин С.И.* Геополитика. Учебное пособие. – Архангельск: Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2008.

10. Carthage Must be Destroyed / Richard Miles. Penguin Classics, 2011 – 544 p.

11. *Gilpin R.* The Theory of Hegemonic War // Journal of Interdisciplinary History. 1988. Vol. 18. No. 4. pp. 591–613.

References

1. *Alekseenko O.A.* Prospects for Russia in a polycentric system of international relations Russia and the modern world. 2017. No. 2 (95). S. 226-230.

2. *Baranova N.A.* Political science. / Baranova. - 2nd ed., Rev. and add. - M.: Yurayt Publishing

House, 2019. - 207 p. - (Series: Vocational Education).

3. *Gadzhiev K.S.* Geopolitics: textbook / K.S. Gadzhiev. - 6th ed., - M.: Yurayt Publishing House, 2016. - 376 p. - Series: Academic Course.

4. *Drobot G.A.* Prospects for the US bipolar world - China // Moscow University Herald. Series 12: Political Sciences. 2015. No. 3. P. 13-27.

5. *Kefeli I.F., Plebanek O.V.* Sociocultural dynamics of the change of geopolitical eras // Psychological and pedagogical problems of human security and society. 2013. No. 2 (19). S. 11-14.

6. *Kostrov A.V.* Geopolitics. / A.V. Kostrov. - Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2015. - 119 p.

7. *Marinchenko A.V.* Geopolitics. - M.: INFRA-M, 2009. - 429 p. - (Higher education).

8. *Sergunin A.A., Subbotin S.V.* In search of a new world order // National interests: priorities and security. 2016. V. 12. No. 6 (339). S. 186-196.

9. *Shubin S.I.* Geopolitics. Tutorial. - Arkhangel'sk: Pomeranian State University named after M.V. Lomonosov, 2008.

10. Carthage Must be Destroyed / Richard Miles. Penguin Classics, 2011 – 544 p.

11. *Gilpin R.* The Theory of Hegemonic War // Journal of Interdisciplinary History. 1988. Vol. 18. No. 4. pp. 591–613.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зарбалиев Вадим Загиддинович

Аспирант первого года обучения,

Институт социологии и регионоведения

Южного федерального университета

E-mail: zarbaliyev@mail.ru

Zarbaliev Vadim Zagiddinovich

Postgraduate Student

Institute of Sociology and Regional Studies,

Southern Federal University

E-mail: zarbaliyev@mail.ru

Поступила в редакцию 13 мая 2019 г.

РЕЛИГИИ И РЕГИОНЫ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

УДК 316.74

Католицизм в Грузии в первой половине XIV века К. Сургуладзе, И. Барамидзе, Х. Диасамидзе, Т. Копалеишвили

Батумский государственный университет, Батуми, Грузия

Аннотация. В первой половине XIX века благодаря целенаправленной политике Георгия V (1318-1346) Грузии удалось вернуть прежнее величие. Согласно распространенному в историографии мнению, восстановленная страна стала настолько популярной, что в 1329 году папа Иоанн XXII перенес епископальную католическую церковь из Смирны в Тбилиси. Намерение Папы было обусловлено тем, что там было много католиков. Однако в этот период Грузия была разделена на три части в соответствии с монгольским правилом. Следовательно, утверждения о возрождении страны, ее авторитете и решении Папы являются поспешными. По мере того, как это проясняется на Востоке и в Грузии, вдохновение католиков началось с полка Оляйту при его поддержке. Во время борьбы против турок и мамлюков грузинские католики пытались установить контакты с европейцами.

Видимо, Георгий V признал необходимость тесных отношений с Европой, поэтому при его поддержке католические миссионеры были свободны в своей деятельности в Грузии. Таким образом, католический приход на грузинском языке начал свое существование, хотя переход страны в католицизм не мог быть частью государственной политики (доказательств этого нет), так как увеличение числа обращенных в католицизм было несущественным.

Ключевые слова: Грузия, католическая церковь, папа Иоанн XXII, король Георгий V, католические миссионеры, Оляйту Хан.

Для цитирования: Сургуладзе К., Барамидзе И., Диасамидзе Х., Копалеишвили Т. Католицизм в Грузии в первой половине XIV века // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 3, №2. С. 28-31.

Catholicism in Georgia in the First Half of the 14th Century¹

K. Surguladze, I. Baramidze, K. Diasamidze, T. Kopaleishvili

Batumi Shota Rustaveli State University, Batumi, Georgia

Abstract. In the first half of the XIX century, because of the deliberate policy of Giorgi V (1318-1346), Georgia managed to regain the previous greatness. According to the opinion prevalent in the historiography, the restored country became so popular that in 1329 Pope John XXII moved the Episcopal Catholic Church from Smyrna to Tbilisi. The Pope's intention was conditioned by the fact as if there were many Catholics. However, in that period Georgia was divided into three parts under the Mongolian Rule. Consequently, the allegations about the revival of the country, its authority and the Pope's decision are hasty. As it clears up in the East and in Georgia as well the inspiration of the Catholics began from the regiment of Oljaitu, with his backing. During his rule while fighting against the Turkish and the Mamelukes he tried to have contacts with the Europeans.

Apparently, Giorgi V acknowledged the necessity of close relations with Europe, so with his support the Catholic missionaries were free in their activities in Georgia. Thus the Catholic Parish in Georgian began its existence, though the country's conversion to the Catholicism could not be the part of the state policy (there is no evidence of it), as well as the increase in the number of converts to the Catholicism was unreal.

So the establishment of the missionary center in Tbilisi and the aspiration to build the Catholic Church in Georgia were conditioned by the desire to change the situation, to attract more attention and to increase the number of the Catholics but not with the great number of Catholics existed here.

Keywords: Georgia, Catholic Church, Pope John XXII, King Giorgi V, Catholic Missionaries, Oljaitu Khan.

For citation: Surguladze K., Baramidze I., Diasamidze K., Kopaleishvili T. Catholicism in Georgia in the First Half of the 14th Century // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 3. №2. P. 28-31.

¹ This work was supported by Shota Rustaveli National Science Foundation of Georgia (SRNSFG) FR17_416]

Introduction

In the XIV century Georgia regained the previous greatness. King Giorgi V, via his intrepidity, determined activities and relations with khans, managed to fulfill the arrangements for the restoration of the Georgian State, its unity, independence, economic bases and influence in the neighborhood. According to the opinion established in the historiography, restored land gained such authority that Pope John XXII moved the Episcopal Catholic Church from Smyrna to Tbilisi [Papuashvili, 1955:89-94]. If the Episcopal Catholic Church had been to move 10 years later, such interpretation would have been appropriate. But in 1329 Georgia was still divided into three parts under the rule of the Mongolians, so the talking about the country's restoration, its authority and therefore the Pope's decision is premature.

Theoretical basis

As it clears up in the East and in Georgia as well the activation of the Catholics began from the regiment of Oljaitu Khan (1304-13160, with his backing. Interestingly, Oljaitu Khan's Christian mother had her son baptized and named as Nicholas in 1289 in honor of Pope Nicholas V. Oljaitu Khan's father Arghun had diplomatic relations with that pope [https://ka.wikipedia.org/wiki/Oljaitu]. Although, in 1295 he became Muslim, during his rule he tried to contact the European rulers, fought the Mamelukes and the Turks. Exactly at that time the summer residence of the Ilkhans – Sultanie (near Kazvin) became the center of the Catholic Missionaries. By 1315 there were 25 Catholic churches established in that center (Tamarashvili, 1902; Papuashvili, 1995). In 1307 Pope Clement V (1305-1314) sent a number of Franciscan and Dominican brothers. Next Pope John XXII (1316-1334) continued the same policy (Tamarashvili, 1902). Remarkably by the help of the rich Italian cities the com-

merce of which the Pope supported greatly, he wanted to increase his influence in the East. In that period Genoa and Venice dominated the Black Sea trade. Of course all that helped the formation of the Catholic population here.

In 1318 the part of the missionaries sent to Tbilisi, went back to Rome. They informed the Pope that the spread of Catholicism here went well. The last thing inspired the Pope to think about the unification of two churches. In 1321 he wrote to King Giorgi V and urged him to join the Saint Peter's Church: "... We beg you and in the name of Jesus Christ ask you not to delay the joining the Holy Church of Rome. These days our appeal was inspired by the help of the God and suggestion of our brothers. They miss you very much and want to baptize you and your people (Tamarashvili, 1902). As we think this issue was discussed here beforehand and the Missionaries told about the Georgians' reaction to the Pope. The Pope's promise indicates to it: "if you think that this joining is impossible by this meek Ecumenical Council, we inform you that we are ready to call ecumenical council if you and your Bishops want to..." (Tamarashvili, 1902).

Unfortunately the King's answer did not survive. Possibly, according to the situation existed in the country the king could not accomplish the Pope's request if we don't say anything about the King's wish. The fact that in a few years in Tbilisi there was established the Episcopal Catholic Church indicates that the Pope's request was taken into account in some sense. According to the 1329 papal bull the Pope abolished the Episcopal Catholic Church in Izmir persecuted by the Turks and for a new Episcopal center he chose city Tbilisi "well-known and wonderful". The Dominican monk John from Florence was chosen as a bishop (Tamarashvili, 1902). The Tbilisi Eparchy subdued to the Sultanie.

King Giorgi Brtskinvale himself attended the first blessing at a new estab-

lished cathedral. Enchanted by the Latin Mass he thanked the Catholic priests and Eparchy (*Tchitchinadze*, 1920). Apparently, the King appreciated the necessity of relations with Europe especially in the period of the Turkish and Mongolian aggression. So with his support the Catholic Mission was given fully freedom of activity. The result of the last was the formation of the Catholic parish. "The Georgian Government supposed that the Catholic Population of Tbilisi would be the favorable tool to provide economic, political and cultural relations with Western Europe and he did not prevent Catholicism from spreading (*Menabdishvili*, 2005). The 1328 papal bull says: "rich with people, adroit and wealthy" Tbilisi and the most part of the population of its surroundings became Catholics. The last thing determined the move of the Episcopal Catholic Church from Smyrna to Tbilisi. In the letter of 1329 the Pope softens the merit of Dominican monks and says that because of them many natives became Catholics. According to the Pope "the believers of that place are sure and hope firmly that if those nuns continue to preach of the Gospel in those people, as they did so far a big number of the people will get Catholicism (*Tamarashvili*, 1902).

Unfortunately, the position of the head of the Orthodox Church is not clear in those letters. In the period of Giorgi Brtskinvale there were two Catholicos-patriarchs: Ekvtime and Basili III. Surely, in the view of the conditions that the Catholic Missionaries were very active, the Patriarch should have taken steps against the decrease of the Orthodox parish. According to Tamarashvili both patriarchs did great deeds for their country. So the King could not have better advisers or accomplices than both Patriarchs when beginning new initiation. Thus one of the compilers of the code "Dzeglis-deba" was Ekvtime (*Tamarashvili*, 1995). In such situation unless the change of the faith had been the part of the state policy, the Pope would not have been able to find the sup-

porter for his endeavor (there is not known such a supporter). So the rapid increase in the number of Catholics could not have been true. In fact the last letter of the Pope was the effort to prove his wish as reality.

According to researcher Rogava, Giorgi Brtskinvale did not restrict the activities of the Catholic Missionaries, he was nice to them, but neither the King not the people changed their faith (*Rogava*, 1996).

Researcher Menabdishvili thinks that the fact about a big number of the Catholics in Tbilisi and in its surroundings is exaggerated (*Menabdishvili*, 2005). Researcher T. Ivelashvili says that Catholic parish in Georgia of that period was not numerous and existence of the Catholic Episcopal Cathedral in Tbilisi did not mean the Catholics' great success (*Ivelashvili*, 2009)

With different judgments came Mikhail Tamarashvili: "...there is no doubt the Catholicism in Georgia at the beginning of that century had significant success, such huge success that not only many Georgians became Catholics, they became Missionaries themselves as well; they visited the faithless lands and shed the blood for Christ. As a valid proof of this Tamarashvili talks about the torture of laity Demetre from Tbilisi in India, who was an interpreter of the Catholic brothers (*Tamarashvili*, 1995). It is notable that Luka Isarlovi in his book published in 1898 describes Demetre as a person who knew only the Tatar language and said nothing about his martyrdom [Isarlovi, 1898:20]. Unfortunately, another evidences indicating to the Catholics' success are no found in this book, so it is not reasonable to draw the far-reaching conclusions.

In the same 1329 year the Pope urged Giorgi V and his people to join the Catholic Church. It is remarkable that in this letter the Pope neither mentioned the huge number of the Catholics among the Georgians nor showed his appreciation

for the support of Missionaries. Yet actually who was the person if not a king to whom the Pope had to say such kind of things in order to gain his approval.

As it is known Giorgi V had to make far more important decisions related to the liberation and restoration of the country, consequently there could not have been any changes in the Georgian-Roman relations. Nor was any foundation for it. In the period of the Mongolian Rule Georgia did not get any tangible support nor from West Europe neither from the Pope. So there could be no expectation regarding the success of the Missionaries' activities. A few years earlier in his first letter to the King the Pope asked the Georgian government to welcome his missionaries. The last thing clearly illustrates the state of the Catholic Church, the number of the Catholic parish and its influence in Georgia. Accordingly there is nothing palpable to argue that there were any changes in the number of religious groups either. So the establishment of the missionary center in Tbilisi and the aspiration to build the Catholic Church in Georgia were conditioned by the desire to change the situation, to attract more attention and to increase the number of the Catholics but not with the great number of Catholics existed here.

Conclusion.

The fact that until the 10-s of the XVI century when the Catholic Cathedral was abolished in Georgia no Georgian clergy

became the bishop of Tbilisi Catholic Cathedral, there could not have been many Catholics among the Georgians in the following centuries either. Besides there is no evidence to allege that there was any need to build a catholic church in other regions or cities if we don't take into account the cathedral of Tskhumi. It means that Tbilisi Catholic Cathedral was run formally. Perhaps some number of the Georgians became Catholic but it could not have an impact on the life of the Georgians in the XIV-XV centuries.

References

1. Tamarashvili M. The History of Catholics among the Georgians from XIII to XX cc., Tiflisi, 1902.
2. Tamarashvili M., The Georgian Church from the Very Beginning to Nowadays, Tbilisi, 1995.
3. Ivelashvili T., Catholicism in Georgia, Tbilisi, 2009.
4. Isarlovi L., The Catholics in Georgia, Tiflisi, 1898.
5. Menabdishvili V., The Catholics in Georgia, Kutaisi, 2005.
6. Papuashvili N., The Georgian-Rome Relations VI-XX Centuries, Tbilisi, 1995.
7. Rogava G., Catholicism in Georgia, Tbilisi, 1996.
8. Tchitchinadze Z., The Story about the Georgian Church Rules of the Georgian Catholics, Tiflisi, 1920.
9. Oljeitu. Available at: <https://ka.wikipedia.org/wiki/Oljeitu>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сургуладзе Кахабер, кандидат исторических наук, профессор, Гуманитарный Факультет Батумского государственного университета

Барамидзе Ираклий, кандидат исторических наук, доцент, Гуманитарный Факультет Батумского государственного университета

Диасамидзе Хатуна, кандидат исторических наук, доцент, Гуманитарный Факультет Батумского государственного университета

Копалеишвили Татьяна, кандидат исторических наук

Surguladze Kakhaber, Candidate of Historical Sciences, Professor, Faculty of Humanities, Batumi State University

Baramidze Irakli, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of Humanities, Batumi State University

Diasamidze Khatuna, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor Faculty of Humanities, Batumi State University

Kopaleishvili Tatiana, Candidate of Historical Sciences

Поступила в редакцию 26 марта 2019 г.

ЭТНОЛОГИЯ НАРОДОВ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

УДК 316.74

**Институты крымскотатарского народа в современном Крыму:
этнополитическое и этноконфессиональное измерение
с точки зрения радикализации**

А.В. Сериков, С.В. Венцель

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация: В статье анализируются современная ситуация вокруг национальных и религиозных институтов крымских татар. Особое внимание уделяется Меджлису крымскотатарского народа, который после запрета деятельности на территории Крыма продолжает оказывать влияние на жизнь крымских татар на полуострове. Отдельное внимание уделяется вопросу трансформации роли и места ДУМКС в жизни крымских татар. Также отмечается опасность радикализации данной этнической группы посредством рассматриваемых институтов.

Ключевые слова: крымские татары; муфтият; Меджлис крымскотатарского народа; референдум 2014 года; Хизбут-Тахрир, Духовное управление мусульман Крыма и Севастополя, «Къырым», «Къырым Бирлиги».

Для цитирования: Сериков А.В., Венцель С.В. Институты крымскотатарского народа в современном Крыму: этнополитическое и этноконфессиональное измерение с точки зрения радикализации // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 3, №2. С. 34-37.

**Institutions of the Crimean Tatar people in modern Crimea: ethnopolitical
and ethno-confessional dimension from the point of view of radicalization**

Anton V. Serikov, Sergey V. Ventsel

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract: The article analyzes the current situation around the national and religious institutions of the Crimean Tatars. Special attention is given to the Mejlis of the Crimean Tatar people, who after the prohibition of activity on the territory of Crimea continues to have an impact on the lives of the Crimean Tatars on the Peninsula. Special attention is paid to the issue of transformation of the role and place of Spiritual administration of Muslims of Crimea and Sevastopol in the life of the Crimean Tatars. The risk of radicalization of this ethnic group through the considered institutions is also noted.

Keywords: Crimean Tatar, muftiate, Mejlis of the Crimean Tatar people, Hizbut-Tahrir, Spiritual administration of Muslims of Crimea and Sevastopol, "Qırım", "QırımBirligi".

For citation: Serikov A.V., Ventsel S.V. Institutions of the Crimean Tatar people in modern Crimea: ethnopolitical and ethno-confessional dimension from the point of view of radicalization// Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 3. №2. P. 34-37.

Основные положения:

1. В период Перестройки депортированные в 1944 году крымские татары не смогли добиться от руководства СССР, а после крушения социалистической системы – от элиты Украины формирования целенаправленной политики по переселению и обустройству народа на полуострове Крым.

2. В период нахождения полуострова украинские элиты не стремились разрешать проблем крымских татар, более того – сознательно подогревали конфликт между данным народом и русскими, которые составляли большинство данного региона.

3. События 2014 года обозначили раскол внутри элит крымскотатарского народа. Меджлис, будучи основным представительным органом, выступил против присоединения полуострова к России и обозначил свою непримиримую позицию в отношении власти РФ.

4. Ситуация вокруг этнополитических и этноконфессиональных институтов крымских татар на полуострове остается достаточно напряженной. Несмотря на определенные меры поддержки со стороны российской и крымской власти, наблюдается рост протестной активности крымских татар. Данная активность связывается с большим давлением силовых органов.

Введение

Этнополитическая и этноконфессиональная ситуация на полуострове Крым после референдума 2014 года продолжает оставаться достаточно сложной. Взаимоотношения между ключевыми народами, проживающими на данной территории, находятся в поле зрения не только научных исследований, но и государственной национальной политики. Крымские татары после возвращения из мест депортации не смогли добиться от руководства СССР, а позднее – постсоветской Украины решения ключевых вопросов для

национального развития: решение земельного вопроса, формирование необходимой социальной инфраструктуры, развитие национального языка и культуры и т.д. Референдум 2014 года большинство крымских татар бойкотировали, причем прямые призывы сопротивляться новым российским реалиям раздавались именно от ключевой политической структуры народа – Меджлиса. Несмотря на принятие президентом РФ В.В. Путиным указов о трёх государственных языках на полуострове и о политической реабилитации данного народа, крымскотатарский вопрос по-прежнему остается достаточно актуальным в рамках формирования и проведения национальной политике на полуострове.

Теоретическая основа

При проведении исследования, результаты которого представлены в данной научной публикации, были использован следующий методологический аппарат. Во-первых, один из ключевых методов исследования стал институциональный, поскольку он ориентируется на изучение деятельности институтов, в которых осуществляется политическая и общественная деятельность. Данный метод позволил выявить сущность ряда институтов крымскотатарского народа, в особенности Меджлис и ДУМК, и особенности положений в системе общественно-политических отношений данных институтов. Во-вторых, был использован структурно-функциональный метод для выявления тех функций и задач, которые стояли перед данными институтами (или которые институты сами определяли). Также текущий метод позволил выявить динамику функционала институтов, в частности, при изменении территориальной принадлежности полуострова. В-третьих, использовался прикладной политологический метод анализа принятия политических решений, необходимый для

понимания траектории деятельности крымскотатарских институтов.

Результаты

По завершению актуального исследования были получены следующие результаты. Ситуация вокруг институтов крымскотатарского народа остается достаточно сложной и требует к себе повышенного внимания. События 2014 года радикально изменили положение ряда организаций данного народа: Меджлис крымскотатарского народа, будучи признанным экстремистской организацией, согласно российскому законодательству оказался вытесненным из Крыма, однако продолжает курировать свои ячейки на полуострове из Украины. Арестованные российскими правоохранительными органами представители Меджлиса используются организацией в контексте создания образов репрессированных по политическим причинам активистов, которые борются за права собственного народа. Такой образ предоставляет украинским властям и лояльным Киеву крымскотатарским активистам представлять в мировом общественно-политическом пространстве арестованных как «мучеников оккупации». Политические и религиозные крымскотатарские институты, отличающиеся пророссийской ориентацией, также находятся в достаточно сложном положении. С одной стороны, они пользуются поддержкой далеко не всех представителей народа. С другой стороны, Меджлис и лояльные ему активисты создают негативный образ таких пророссийских институтов, обвиняя их в «коллорабационизме и пособничестве оккупантам».

Обсуждение

В данном исследовании не были охвачены абсолютно все аспекты функционирования политических и религиозных институтов крымских татар. Однако оно может быть эффектив-

но и продуктивно расширено путем проведения полевых исследований. В то же время даже результативность полевого исследования может быть достаточно ограниченной в силу закрытости крымскотатарского сообщества и опасений его представителей. В силу запрета деятельности Меджлиса, а также совокупности уголовных дел против крымскотатарских активистов по политическому и религиозному экстремизму (к примеру, дело Хизб ут-Тахрир) представляется возможным, что исследовать реальные политические и религиозные взгляды крымских татар полуострова будет весьма проблематично.

Заключение

Ситуация вокруг этнополитических и этноконфессиональных институтов крымских татар на полуострове остается достаточно напряженной. Несмотря на определенные меры поддержки со стороны российской и крымской власти, наблюдается рост протестной активности крымских татар. Данная активность связывается с большим давлением силовых органов. Весьма опасной тенденцией является представление крымскотатарских активистов, которые находятся в заключении, как «мучеников» в украинских и западных СМИ. Также наблюдается международное давление на Россию, в частности стоит отметить решение Международного суда ООН обязать РФ восстановить работу запрещенного Меджлиса крымскотатарского народа на территории полуострова.

Литература

1. Вишневецкая Ю. Беззащитные защитники: как преследуют крымских адвокатов в РФ. [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/беззащитные-защитники-как-преследуют-крымских-адвокатов-в-РФ/a-37803602-0> (Дата обращения: 13.07.2019).
2. Корягин В. Межконфессиональный диалог в Крыму состоялся. О крымских татарах и их отношении к исламу рассказывает сотрудник Таврического национального универ-

ситета. [Электронный ресурс] // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/science/2014/04/09_a_5985353.shtml?updated (Дата обращения: 13.07.2019).

3. Крымские татары и Россия: пути интеграции [Электронный ресурс] // Московское бюро по правам человека. URL: http://pravorf.org/doc/Crimean_Tatars_012015.pdf. (Дата обращения: 13.07.2019).

4. *Кульпин-Губайдуллин Э.С.* Малая нация в иноэтническом окружении на постсоветском пространстве. На примере крымских татар. Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А. М. Петрова. М.: ИВ РАН, 2013 г. - с. 218-222.

5. *Мальгин А.В.* «Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941-1945 гг. 2-е изд. Симферополь: Сонат, 2009. С. 68.

6. *Петухова Е.* Теперь без ханства. Как приняли Россию крымские татары. [Электронный ресурс] // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/08/04/krymtatary/> (Дата обращения: 13.07.2019).

References

1. *Vishneveckaya YU.* Bezzashchitnye zashchitniki: kak presleduyut krymskih advokatov v

RF. Available at: <https://www.dw.com/ru/беззащитные-защитники-как-преследуют-крымских-адвокатов-в-РФ/a-37803602-0>

2. *Koryagin V.* Mezkhkonnessional'nyjdialog v Krymusostoyalsya». O krymskihtatarah i ihotnoshenii k islamurasskazyvaetsotrudnikTavricheskogonacional'nogouniversiteta. Available at: https://www.gazeta.ru/science/2014/04/09_a_5985353.shtml?updated

3. Krymskietatary i Rossiya: putiintegracii. Moskovskoebyuropopravamcheloveka. Available at:http://pravorf.org/doc/Crimean_Tatars_012015.pdf.

4. *Kul'pin-Gubajdullin E.S.* Malayanaciya v inoetnicheskomokruzheniinapostsovetkomprostranstve. Naprimerekrymskihtatar. StranyVostoka: Social'no-politicheskie, social'no-ekonomicheskije, etnokonnessional'nye i sociokul'turnyeproblemy v konteksteglobalizacii. Pamyati A. M. Petrova. M.: IV RAN, s. 218-222.

5. *Mal'gin A.V.* «PartizanskoedvizhenieKryma i «tatarskijvopros». 1941-1945 gg. 2-e izd. Simferopol': Sonat, 2009. S. 68.

6. *Petuchova E.* 'Teper' bezhanstva. KakprinyaliRossiyukrymskietatary. Available at:<https://lenta.ru/articles/2014/08/04/krymtatary/>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сериков Антон Владимирович

Доцент Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

E-mail: aserikov@inbox.ru

Serikov Anton Vladimirovich

Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

E-mail: aserikov@inbox.ru

Венцель Сергей Владимирович

младший научный сотрудник Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

E-mail: wenzel.sergei1994@yandex.ru

Ventsel Sergey Vladimirovich

Associate Fellow, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

E-mail: wenzel.sergei1994@yandex.ru

Поступила в редакцию 8 апреля 2019 г.

УДК 316.74

Диаспоры Ростовской области как субъект гармонизации межэтнических отношений**Г.И. Чикарова***Южнороссийский филиал ФНИСЦ РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация. В данной статье на основе анализа официальных электронных ресурсов 5 наиболее крупных и институционализированных диаспор, представленных в Ростовской области, рассмотрена степень участия этнокультурных организаций в реализации национальной политики Российской Федерации. Выявлено соотношение между этническими и неэтническими практиками. Определены основные векторы функционирования диаспор в отношении гармонизации межэтнических отношений. Рассмотрены основные формы работы диаспор, используемые для межкультурной интеграции.

Ключевые слова: диаспора, миграция, межэтнические отношения, этнокультурное наследие, этническая идентичность, национальная политика.

Для цитирования: Чикарова Г.И. Диаспоры Ростовской области как субъект гармонизации межэтнических отношений // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 3, №2. С. 38-44.

Diasporas of Rostov region as a subject of harmonization of interethnic relations**Galina I. Chikarova***South Russian Branch of FCTAS RAS, Rostov-on-Don, Russia*

Abstract. Based on the analysis of the official electronic resources of the 5 largest and institutionalized diasporas represented in the Rostov region, the article considers the degree of participation of ethno-cultural organizations in the implementation of the national policy of the Russian Federation. The correlation between ethnic and non-ethnic practices is revealed. The main vectors of functioning of diasporas in relation to harmonization of interethnic relations are defined. The main forms of work of diasporas used for intercultural integration are considered.

Keywords: diaspora, migration, interethnic relations, ethno-cultural heritage, ethnic identity, national policy.

For citation: Chikarova G.I. Diasporas of Rostov region as a subject of harmonization of interethnic relations // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 3. №2. P. 38-44.

Введение

Многие ученые характеризуют современный период истории «эрой миграции», так как сегодня влияние фактора миграции испытывают на себе многие регионы, население которых, являясь принимающей стороной, ощущает этнокультурное, социальное или экономическое воздействие со стороны мигрантов.

Юг России является регионом с контрастным этнокультурным и конфессиональным составом, не только в силу этно-конфессионального состава жителей данной территории, но и из-за высокой концентрации здесь внешних миграционных потоков, обусловленных, с одной стороны, рядом исторических событий, а с другой, социально-экономической привлекательностью региона для мигрантов.

В Ростовской области в настоящее время прослеживается тенденция не только возрастания доли этнических диаспор и появления новых диаспор, но и численное увеличение, уже сложившихся национально-культурных объединений, а также увеличение социальной и политической активности различных современных этнических диаспор, и как следствие институционализация многих из них.

Важно отметить, что усиливающийся поток мигрантов вносит изменения в этнодемографическую и социально-экономическую ситуации в регионе, что может выступить в качестве причины возникновения межэтнической и межконфессиональной напряженности во многих сферах.

Национальная политика Российской Федерации, основными вопроса-

ми которой являются «укрепление единства многонационального народа России, а также обеспечение межнационального согласия», согласно нормативно-правовым документам осуществляется «посредством обеспечения эффективной реализации конституционно-правовых принципов регулирования межнациональных отношений, разработки и выполнения государственных программ и поддержки общественных инициатив в достижении целей национальной политики, а также налаживания плодотворного диалога между органами государственной власти и национальными общностями» (*Национальная политика...*).

Диаспора в данном контексте способна выступить одним из главных акторов реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, так как ее основные направления деятельности (сохранение этнокультурного наследия и формирование национальной идентичности, а также гармонизация межэтнических отношений) полностью совпадают с двумя магистральными векторами Национальной политики Российской Федерации (*Концепции государственной национальной политики...*).

Обзор научно-исследовательской литературы

В отечественной научной литературе уже подводились итоги изучения различных аспектов формирования, институционализации и функционирования современных диаспор.

Среди наиболее значимых современных работ по данной проблематике можно отметить исследования В.А. Тишкова (*Тишков, 2000*), В.Д. Попкова (*Попков, 2003*), Т.В. Полосковой (*Полоскова, 2002*), И.А. Аствацатуровой (*Аствацатурова, 2003*), В.И. Мукомеля (*Мукомель, Паин, 2002*), С.Н. Градиrowsкого, Ж.Т. Тощенко и Т.И. Чаптыковой (*Тощенко, Чаптыкова, 1996*).

Процесс нарастания в условиях современного мира социально-политической, социально-экономической активностей диаспор, а также появление целого ряда форм непосредственного участия этнодиаспоральных организаций в международной и региональной повестках также находят свое отражение в научно-исследовательских работах современных ученых.

Политико-правовые, демографические, социально-экономические, психологические аспекты существования и функционирования этнических групп рассматриваются А.Р. Вяткиным (*Вяткин, 1990*), Г.С. Витковской (*Витковская, 1999*), Ж.А. Зайончковской (*Зайончковская, 1999*).

Влияние политического фактора на характер межэтнических отношений в обществе, а также вопросы политизации этничности и этнической мобилизации рассматриваются в публикациях Р.Г. Абдулатипова (*Абдулатипов, 2002*), Л.Л. Хоперской (*Хоперская, Харченко, 2005*) и В.Д. Дзидзоева (*Дзидзоев, 2004*), А.Г. Осипова (*Осипов, 2004*).

Функционирование диаспор в условиях депортаций рассматривается Н. Бугаев (*Бугай, Мамаев, 2015*), В.А. Базанова (*Базанов, 2011*), А. Юнусовым (*Юнусов, 2001*).

Большой научный вклад в разработку научной проблематике, связанной с современным статусом и функциональным потенциалом современных диаспор, имеют также работы Черноуса В.В. (*Патракова, Черноус, 2012*), Бедрика А.В. (*Бедрик, Дьяченко, Бинеева, 2019*), Серикова А.В. (*Сериков, 2012*).

Однако, несмотря на большое число научных работ теоретического и прикладного характера в области изучения функционирования диаспор, как социокультурного и политического актора, проблема субъектности этнических диаспор в гармонизации межэтнических отношений в поликультур-

ном регионе остается до сих пор нераскрытой. Важным вопросом, не нашедшим однозначного ответа в научных кругах, является поиск наиболее эффективных механизмов участия этнокультурных организаций в достижении межэтнического согласия.

В связи с этим актуальным становится анализ уже существующих практик, которые диаспоры используют для гармонизации межэтнических отношений.

Методология исследования

Концепция данного исследования основана на понимании диаспоры как «этнически однородного меньшинства, проживающего за пределами своей исторической Родины или этнического ядра и характеризующееся групповой сплоченностью, которое воплощено в национально-культурные формы объединения» (*Бедрик, Стукалова, Терещенко, 2016*).

Понятие гармонизации межэтнических отношений включает в качестве целей этого процесса «равновесие социума, функциональную (культурную) взаимодополняемость, баланс интересов этнических групп, отношения сотрудничества (партнерства) на основе справедливого распределения ресурсов, согласие (консенсус) по поводу социальных ценностей» (*Богатова, 2004*).

Цель предложенной работы рассмотреть деятельность диаспор, представленных на территории Ростовской области, в отношении гармонизации межэтнических отношений в поликультурном регионе Юга России.

Из 14 официальных этнокультурных общественных объединений Ростовской области представленных на государственном электронном портале «Народы Дона» для анализа были выбраны 5 электронных ресурсов наиболее крупных и активно функционирующих организаций: Ростовская региональная общественная организация "Нахичеванская-на-Дону Армян-

ская Община", Ростовская Региональная общественная организация «Национально-культурная автономия Белорусы Ростовской области», Региональная общественная организация «Объединение корейцев Ростовской области», Ростовская региональная Еврейская национально-культурная автономия, а также Ростовская региональная общественная организация Польский национально-культурный центр «Полония Дона».

Для проведения исследования были отобраны официальные Интернет-страницы данных национально-культурных объединений, разработанные на специализированных государственных online платформах, а также в социальных сетях.

Исследовательский выбор медиапространства в качестве объекта исследования обусловлен, с одной стороны, тем, что в условиях цифрового общества Интернет ресурсы являются основным инструментом для отражения деятельности диаспор. А с другой – рассмотрение контента, размещенного на официальных электронных ресурсах позволяет проанализировать не только декларируемую позицию каждой из диаспор в отношении реализации одного из двух главных направлений их деятельности: гармонизация межэтнических отношений, но и проанализировать реальные практики, которые они для этого используют.

Эмпирическими индикаторами, применяемыми в исследовании, являются баланс между этническими и неэтническими практиками, соотношение количества представляемого контента относительно сохранения этнокультурного наследия и формирования этнической идентичности, с одной стороны, и гармонизации межэтнических отношений, с другой, наличие практик, нацеленных на межкультурную интеграцию.

Результаты

Проведенный анализ дискурса и нарратива выбранных электронных ресурсов позволил выявить, что, основной акцент в деятельности национально-культурных объединений сделан на сохранение этнокультурного наследия и формирование национальной идентичности. Общественными объединениями проводится большое количество мероприятий по сохранению традиций и обычаев своего народа («Фестиваль еврейского танца и музыки», «День корейской культуры», «Дни польской культуры в России», Международный фольклорный фестиваль дружбы народов «Купаловское лето на Дону», Межнациональный гастрономический фестиваль «Вкусы Дона»), а также исторической памяти (армянской общиной выпускается настенный календарь, отражающий интересные вехи в истории мирового армянства на каждый день – исторические события, мировые личности армянского происхождения и их достижения в сфере культуры, науки, искусства, военных подвигов; Национально-культурными объединениями Поляков и Корейцев проводятся мероприятия, приуроченные к годовщинам освобождения Польши и Кореи; также реализуются проекты по увековечиванию памяти погибших: в годы Великой Отечественной войны «Уроки Холокоста», «Книга памяти. Честь и слава!» и период геноцида «День памяти геноцида армян» и т.д.).

Большое внимание уделяется сохранению языка как главного культурного кода народа. На базе национально-культурных центров проводятся курсы по изучению национального языка, организовываются литературные вечера, реализуются различные проекты (Международный молодежный фестиваль-конкурс поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы», Фестиваль еврейской книги», «Вечер, посвященный Сильве Кпутикян»). Делегации национально-культурных объединений также при-

нимают активное участие в выездных мероприятиях, представляя свою диаспору на тематических площадках различного уровня (Представители ОО МНКА «Белорусы Неклиновского района» приняли участие в фестивале-празднике «Славянские литературные дожинки - 2019»).

Но все же, несмотря на активную деятельность диаспор по сохранению этнокультурного наследия, формированию и укреплению этнической идентичности, сохранению языка и традиций, национально-культурные объединения также реализуют проекты, нацеленные на этнокультурный диалог и межэтническое сотрудничество.

Так, на основе анализа опубликованных на официальных страницах организаций материалов за 2019 год можно сделать вывод, что основными направлениями в деятельности исследуемых диаспор в отношении гармонизации межэтнических отношений являются: просветительские мероприятия, направленные на этнокультурное воспитание учащихся общеобразовательных учреждений, а также участие представителей национально-культурных объединений в обсуждении и реализации городских и региональных проектов, направленных на поддержание межэтнического мира и согласия в регионе.

Наиболее распространенными формами работы, инициированными в рамках просветительской работы являются фотовыставки и конкурсы (Фотовыставка-конкурс «Народов дружная семья»), кинофестиваль («Народы России на киноэкранах»).

В ходе исследования также было выявлено, что более активными участниками дискуссионных площадок, направленных на разработку эффективного инструментария гармонизации межэтнических отношений в регионе являются представители таких национально-культурных объединений как: Ростовская региональная общественная организация "Нахичеван-

ская-на-Дону Армянская Община", Ростовская региональная Еврейская национально-культурная автономия, Ростовская региональная общественная организация Польский национально-культурный центр «Полония Дона».

Особую целевую группу в работе национально-культурных объединений, функционирующих на территории Ростовской области составляют молодые жители региона. Важно отметить, что общественными объединениями ведется активная работа по включению представителей данной социально-демографической группы в свою деятельность. Создаются молодежные национально-культурные объединения, деятельность которые всячески поддерживается со стороны диаспоры. Так, в рамках деятельности Нахичеванской-на-Дону армянской общины создана молодежная организация армянской общины; усилиями Ростовской еврейской общины реализуется просветительская программа «STARS», а также Молодежные семинары «Шабатон», направленная на объединение всех молодых евреев из общин Юга России.

Еще одним инструментом, используемым для создания площадок межкультурной коммуникации представителей различных диаспор является проведение совместных мероприятий, направленных, с одной стороны на изучение культурных основ представителей все жителей поликультурного региона, а с другой – на непосредственное взаимодействие представителей различных национально-культурных и этнокультурных групп. Среди наиболее успешных практик можно выделить Областной этно-культурный образовательный проект «150 культур Дона», а также Межнациональный «Брейн-ринг» «Культуры Дона».

В 2019 году Общественной организацией "Ростовская Региональная еврейская национально-культурная автономия" благодаря реализации проекта: «Культурно-образовательный межнациональный проект Ассоциация

Содружество» (КОМПАС) при поддержке Фонда президентских грантов была открыта Ассоциация под названием "Содружество", предназначенная для молодых людей в возрасте 14-30 лет, проживающих в г. Ростове-на-Дону - представителей национально-культурных объединений г. Ростова-на-Дону, лидеров молодежных организаций, а также лиц, интересующихся вопросами укрепления межнационального согласия.

Однако необходимо отметить, что, несмотря на имеющийся у рассмотренных общественных организаций успешный опыт в создании проектов, направленных на поддержание межэтнического мира и согласия в сотрудничестве с фондами, НКО, органами исполнительной власти региона и представителями образовательных учреждений, на данный момент нет регулярной практики реализации совместных проектов, разработанных усилиями нескольких национально-культурных объединений. Что могло бы способствовать более эффективно налаживанию межкультурного диалога и способствовать гармонизации межэтнических отношений в регионе.

Резюме

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на имеющиеся практики по обоим из основных направлений деятельности национально-культурных объединений: сохранению этнокультурной самобытности народа, а также гармонизации межэтнических отношений, основной акцент в деятельности диаспор, представленных в Ростовской области, все же сделан не на установление межкультурного диалога и межкультурной интеграции, а на формирование этнической идентичности.

Большая часть из инициированных диаспорами мероприятий по гармонизации межэтнических отношений носит декларируемый и просветительский

характер, но не создает эффективных инструментов непосредственного взаимодействия представителей различных культур с целью установления культурно-просветительского диалога с представителями других национально-культурных объединений.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Управление этнополитическими процессами. Вопросы теории и практики. М.: Славянский диалог, 2002.
2. Аствацатурова М.А. Диаспоры: этнокультурная идентичность национальных меньшинств // Диаспоры. 2003. № 2. С. 184–200.
3. Базанов В.А. Роль диаспоры в потилике России // Вестник МГИМО Университета. 2011.
4. Бедрик А.В., Дьяченко А.Н., Бинеева Н.К. Социальные субъекты гармонизации межэтнических отношений на Юге России: управленческий и гражданский потенциал // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 2. С. 137–147.
5. Бедрик А. В., Сериков А.В. Классические европейские диаспоры Ростовской области: социальные практики воспроизводства идентичности // Вестник АГУ. 2016. №4. С.50–58.
6. Бедрик А. В., Стукалова Д. Н., Терещенко А. А. Социально-правовой статус диаспоры в современном российском обществе: региональный ракурс // Гуманитарий Юга России. 2016. Том. 20. № 4. С. 61–71.
7. Бугай Н.Ф., Мамаев М.И. Кабардино-Балкарская АССР: «Спасение в единении и надежде...». 1920–1960-е годы. М., 2015. 416 с.
8. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца хх века: тенденции этнополитического развития (историко-политическое исследование). изд. 2-е. Владикавказ, 2004. 359 с.
9. Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В. Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарий Юга России. 2016. Том. 21. № 5. С. 63–73.
10. Мукомель В.И., Паин Э.А. Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам. М.: Диполь-Т, 2002. 360 с.
11. Осипов А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты. СПб., 2004.
12. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Кавказская война и черкесский вопрос в исторической памяти и мифах историографии. Олимпийские игры и информационные войны («Черкесский вопрос» накануне Зимних Олимпийских игр 2014 в Сочи) / Отв. редактор Э.А. Попов / Ростов-на-Дону: Изд-во Ростиздат, 2012. С. 6–28.
13. Полоскова Т.В. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). М.: Научная книга, 2002. 284 с.
14. Попков В.Д. Феномен этнических диаспор. М.: Ин-т социологии, 2003. 340 с.
15. Сериков А.В., Сошественский В.Ю. Новейшие черты «Черкесского вопроса в информационной войне против России. Олимпийские игры и информационные войны («Черкесский вопрос» накануне Зимних Олимпийских игр 2014 в Сочи) / Отв. редактор Э.А. Попов / Ростов-на-Дону: Изд-во Ростиздат, 2012.С.112–123.
16. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры. // Этнопанорама. 2000. № 2. С.2–4.
17. Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И. Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42.
18. Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000-2005 гг. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005. 164 с.
19. Юнусов А. Азербайджанцы в России смена имиджа и социальных ролей // Диаспоры. 2001. № 1. 108–131.
20. Официальный сайт правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/rugovcl-assifier/503/events>
21. Официальный сайт Ростовской Региональной общественной организации «Национально-культурная автономия Белорусы Ростовской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://xn--80aala6bdeco6i.xn--p1ai/ethno_groups/cf2c8d6b-3731-4402-85b3-d72a05f8b7d5
22. Официальный сайт Ростовской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Полония Дона» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://poloniadona.umi.ru/>
23. Официальный сайт Региональной общественной организации «Объединение корейцев Ростовской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/koreanrd>
24. Официальный сайт Ростовской региональной еврейской национально-культурной автономии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://xn--80aala6bdeco6i.xn--p1ai/ethno_groups/e010dce0-42bc-41a2-8e10-4d04a10e51c2
25. Официальный сайт Ростовской региональной общественной организации "Нахичеванская-на-Дону Армянская Община" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nnao.ru/>

References

1. Abdulatipov R. G. (2002). Management of ethno-political processes. Questions of theory and practice. Moscow: Slavonic dialogue, 2002.
2. Astvatsaturova M. A. (2003). Diasporas: ethnocultural identity of national minorities. Diasporas. No. 2. Pp. 184-200.
3. Bazanov V. A. (2011). Role of the Diaspora in potylikha Russia. Vestnik of MGIMO University. 2011.
4. Bedrick A.V., Dyachenko A. N., Bineeva N. K. (2019). Social subjects of harmonization of interethnic relations in the South of Russia: administrative and civil potential. Tom. 8. No. 2. P. 137-147.
5. Bedrik A.V., Serikov A.V. (2016). Classical European Diaspora of the Rostov region: the social practice of reproduction of identity. Bulletin of the ASU. no.4. P. 50-58.
6. Bedrick A.V., Stukalova D. N., Tereshchenko A. A. (2016). Social and legal status of Diaspora in modern Russian society: regional perspective. Humanities of the South of Russia. Tom. 20. No. 4. P. 61-71.
7. Bugay N. F., Mamaev M. I. (2015). Kabardino-Balkarian ASSR: "Salvation in unity and hope...". 1920-1960s. Moscow. 416 p.
8. Dzidzoev V. D. (2004). Caucasus of the late twentieth century: trends of ethno-political development (historical and political research). ed. 2-E. Vladikavkaz, 359 p.
9. Lubsky A.V., Bedrick A.V., Serikov A.V. (2016). Social Institute of Diaspora in the context of national security of Russia. Humanities of the South of Russia. Tom. 21. No. 5. P. 63-73.
10. Mukomel V. I., Pain E. A. (2002). New diasporas. State policy towards compatriots and national minorities. Moscow: Dipol-T. 360 p.
11. Osipov A. G. (2004). National-cultural autonomy. Ideas, decisions, institutions. SPb.
12. Patrakova V. F., Chernous V. V. (2012). Caucasian war and Circassian question in historical memory and myths of historiography. Olympic games and information wars ("Circassian question" on the eve of the Winter Olympic games 2014 in Sochi) / Rel. editor E. A. Popov / Rostov-on-don: Publishing house Rostizdat. p. 6-28.
13. Poloskova T. V. (2002). Modern diasporas (internal political and international aspects). Moscow: Scientific book. 284 p.
14. Popkov V. D. (2003). Phenomenon of ethnic diasporas. Moscow: Institute of sociology. 340 p.
15. Serikov A. V., Soshestvensky V. Y. (2012). Latest features of the "Circassian question in the information war against Russia. Olympic games and information wars ("Circassian question" on the eve of the Winter Olympic games 2014 in Sochi) / Rel. editor E. A. Popov / Rostov-on-don: Publishing house Rostizdat. p. 112-123.
16. Tishkov V. A. (2000). Historical phenomenon of Diaspora. Ethnopanorama. No. 2. p. 2-4.
17. Toshchenko Zh. T., Chaptkyova T. I. (1996). Diaspora as an object of sociological research. Sociological research. No. 12. p. 33-42.
18. Khoperskaya L. L., Kharchenko V. A. (2005). Local interethnic conflicts in the South of Russia: 2000-2005. Rostov-on-don: publishing house of yunts RAS. 164 p.
19. Yunusov A. (2001). Azerbaijanis in Russia change of image and social roles. Diasporas. No. 1. P. 108-131.
20. Official website of the government of the Russian Federation. Available at: <http://government.ru/rugovclassifier/503/events>
21. Official site of Rostov Regional public organization "National-cultural autonomy of Belarusians of Rostov region". Available at: http://xn--80aala6bdeco6i.xn--p1ai/ethno_groups/cf2c8d6b-3731-4402-85b3-d72a05f8b7d5
22. Official site of Rostov regional public organization Polish national cultural center "Polonia Dona". Available at: <https://poloniadona.umi.ru/>
23. Official website of the Regional public organization "Association of Koreans of Rostov region". Available at: <https://vk.com/koreanrnd>
24. Official site of Rostov regional Jewish national-cultural autonomy. Available at: http://xn--80aala6bdeco6i.xn--p1ai/ethno_groups/e010dce0-42bc-41a2-8e10-4d04a10e51c2
25. Official website of the Rostov regional public organization "Nakhichevan-on-don Armenian Community". Available at: <https://nnao.ru/>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Чикарова Галина Игоревна

Младший научный сотрудник,
Южнороссийский филиал
Федерального научно-
исследовательского социологического
центра РАН
E-mail: galia201292@gmail.com

Chikarova Galina Igorevna

Junior Research Assistant,
South Russian Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences
E-mail: galia201292@gmail.com

Поступила в редакцию 15 марта 2019 г.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 316.74

**Политика России по отношению к Ирану:
вызовы и риски, сценарий развития отношений.****Шаповалова А.М., Сальников А.В.***Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Аннотация: Последовательное проведение Россией и Ираном самостоятельной внешней политики, динамичная поддержка ими универсальных норм международного права, а также уверенная защита своих национальных интересов вызывает жёсткое неприятие и усиление противодействия со стороны США и их западных союзников. Это обстоятельство наглядно показывает, что российско-иранский политический диалог основывается на том, что наши интересы близки или совпадают по большинству мировых и региональных актуальных вопросов – это и построение многополярного мира, это и урегулирование конфликта в Сирии, это и противодействие терроризму с наркотрафиком, и так далее. Россия и Иран в действительности обладают огромным потенциалом двухстороннего сотрудничества, который на данный момент, к сожалению, не реализуется в полной мере.

Ключевые слова: Россия; Иран; внешняя политика; ядерная держава; "мягкая сила"; региональный партнёр; экспорт; противодействие терроризму; иранская нефть; суннитско-шиитский конфликт.

Для цитирования: Шаповалова А.М., Сальников А.В. Политика России по отношению к Ирану: вызовы и риски, сценарий развития отношений // Caucasian Science Bridge. 2019. Т. 3, №2. С. 46-52.

Russia's policy towards Iran: challenges and risks, scenario for the development of relations.**Anna M. Shapovalova, Artem V. Salnikov***Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Abstract: Consistent implementation of independent foreign policy by Russia and Iran, their dynamic support of universal norms of international law, as well as the confident defense of their national interests, causes severe rejection and increased opposition from the United States and its Western allies. This circumstance clearly shows that the Russian-Iranian political dialogue is based on the fact that our interests are close or coincide on most of the world and regional topical issues - building a multipolar world, resolving the conflict in Syria, countering terrorism and drug trafficking, and so on. Russia and Iran actually have a huge potential for bilateral cooperation, which, unfortunately, is not being fully realized at the moment.

Keyword: Russia; Iran; foreign policy; nuclear power; soft power; regional partner; export; counter-terrorism; Iranian oil; Sunni-Shiite conflict.

For citation: Shapovalova A.M., Salnikov A.V. Russia's Policy towards Iran: challenges and risks, scenario of development of relations // Caucasian Science Bridge. 2019. Vol. 3. №2. P. 46-52.

Введение

Если судить по крайней концепции внешней политики России (*Концепция внешней политики ...*, 2016), то отчётливо видно, что сотрудничество с Ираном стало неотъемлемой частью внешней политики России. Президент России Владимир Путин называет Иран "долговременным партнёром России" (*Прошкин И.*, 2015), а министр иностранных дел России Сергей Лавров - "естественным союзником в борьбе против Исламского государства".

Иран важен для России прежде всего как региональный партнёр, особенно в вопросах безопасности и геополитики - противодействие проник-

новению стран Запада в Центральную Азию, на Кавказ, на Ближний и Средний Восток (*Российско-иранские отношения ...*, 2017). Поэтому Россия исходит из того, что плодотворное и направленное на результат положительное сотрудничество с Ираном является одним из важных условий обеспечения наших национальных интересов, обеспечения безопасности в вышесказанных регионах.

В политике Кремля по отношению к Ирану могут произойти следующие вызовы: геополитическая нестабильность в регионе, усиление Ирана как ядерной державы, усиление Ирана

как региональной державы, усиление Ирана как энергетической державы.

Геополитическая нестабильность в регионе

С точки зрения тактики позиции России и Ирана совпадают, но с точки зрения стратегии по будущему видению Сирии дела обстоят совершенно иным образом.

Политика России, которая включает в себя, помимо военного присутствия, также гуманитарной помощи, принятию беженцев у себя в стране, проведению уроков русского языка в сирийских школах, а также попытки восстановить довоенное состояние сирийской армии предполагает, что правительство Асада станет, как минимум, лояльной Москве, может не оправдать своих надежд (*Тренин Д., 2016*). Для России важнее, не кто будет сидеть в правительстве, а как это правительство будет соответствовать интересам Кремля в регионе. Иран, также поддерживает Сирию финансово, причём это делал до России. Иран не захочет просто так уйти с сирийской арены, где потратил достаточно ресурсов из-за её стратегического значения для своего регионального влияния. В Тегеране осознают, что сирийская армия в одиночку долго не протянет и поэтому иранцы сделали упор на укрепление нерегулярных сил с проиранским настроем и подчиняющимся приказам, которые поступают из Ирана, а не от сирийского командования. Иран также поддерживает национальные силы обороны, которыми руководят советники из Ирана, а не сирийскую армию, лояльную Асаду. Эти силы вполне могут стать альтернативой правительству Асада и могут сыграть решающую роль в определении будущего Сирии - Иран хочет создать "шиитский полумесяц", а потому ему нужен в Сирии антиизраильский режим и связующее звено между Хезболлой и Тегераном (*Противоречия России ..., 2017*). В ре-

зультате, как бы то ни было, с Асадом или без, Сирия сделает свой выбор в пользу Тегерана, нежели Москвы. Правительству Сирии приходится считаться с Россией, тогда как с Ираном у них есть общее понимание будущего, это касается вопроса по Израилю, чего нельзя сказать относительно мнения России, для которой Израиль является партнёром и имеет больший товарооборот, чем с Ираном; Сирия же является близким союзником Ирана ещё со времён ирано-иракской войны. Россия проводит на Ближнем Востоке многовекторную политику. Москва сотрудничает не только с такими давними для неё партнёрами, как Сирия, Египет и Израиль, но также стремится выстраивать отношения с новыми - например, с Катаром и Саудовской Аравией, то есть и с союзниками и с очевидными врагами Ирана (*Мирзаян Г., 2015, с.17-22*). Конечно, у России не хватит ни экономических, ни политических ресурсов, чтобы стать гегемоном в ближневосточном регионе, но сохранить баланс сил, при котором она сможет быть важным внерегиональным посредником, в её силах (*Россия, Иран ..., 2016*).

Что касается Ирана, то его цель понятна - стремление стать ведущим государством в ближневосточном регионе, чтобы обеспечить свою собственную безопасность. Но Москва считает, что осуществление такого рода политики не будет способствовать стабильности в регионе. То есть появление любой доминирующей силы, в том числе и Ирана, не будет отвечать интересам Кремля.

Следующим риском может стать участие России в суннитско-шиитском конфликте. В Сирии может произойти тотальное столкновение всех мировых и региональных игроков. Россия сохраняет деловые отношения с главными противниками Ирана - Саудовской Аравией и Израилем, и ей приходится лавировать между ними, чтобы сохра-

нить хорошие отношения со всеми. Из этого следует, что образовывать какой-либо стратегический союз с Ираном не выгодно. Надо констатировать то обстоятельство, что сунниты стали более мягче относиться к Израилю, в отличие от шиитского Ирана, который считает, что Израиль это враг номер один (Млечин Л.М., 2014, с. 14).

Усиление Ирана как ядерной державы

Если взглянуть на ситуацию через призму геополитики, то России никак не выгодно наличие у Ирана ядерного оружия, так как в противном случае оно способно разорвать соглашение о его нераспространении, что приведёт к вооружению других стран, не имеющих ядерное оружие, в том числе и тех, кто участвует в региональных конфликтах. Особенно взрывоопасным является сочетание перспективы ядерного вооружения Ирана с неоднократно выдвигаемыми его высшим руководителем лозунгом: стереть с карты мира Израиль (Примаков Е.М., 2016, с. 363). Не менее опасной станет ситуация на Ближнем Востоке - при получении Ираном ядерных ракет, другие страны региона также захотят заполучить его, тем самым это приведёт к увеличению рисков попадания расщепляющих материалов, необходимых для получения оружия массового поражения в руки террористов (Сингапурское чудо, 2016, с. 115). Несмотря на достигнутое соглашение 2015 года по иранской ядерной программе, Иран в ответ на введённые санкции после выхода администрации Трампа из этого соглашения, предпринял ряд шагов по сокращению своих обязательств (Россия понимает..., 2019).

При развитии вышеописанных негативных сценариев, России угрожает незащищённость от этой потенциальной ядерной опасности ввиду близости своих территорий с Ираном. Это сулит немедленным пересмотром кон-

цепции национальной безопасности на южном направлении. Появление ядерного оружия у Ирана усилит его региональные амбиции и изменит баланс стратегических сил не в пользу России в общих с Ираном геополитических пространствах, таких как Средняя Азия, Закавказье. С новой силой разовьётся борьба за гегемонию в регионе между Россией и Ираном, так как странам, находящимся между ними, не смогут не принимать во внимание намерений, потенциала и интересов Ирана и будут вынуждены подстраиваться под них, а это уже будет оказывать влияние на геополитическую обстановку вокруг региона.

Усиление Ирана как региональной державы

Постсоветское пространство с геополитической точки зрения это транспортные сети, способные соединить наиболее коротким путём промышленно развитые страны Запада с богатыми полезными ископаемыми, но весьма отдалёнными странами на востоке.

Страны Средней Азии пространства имеют такую проблему, как необходимый выбор между Россией и Западом, что в случае уменьшения влияния на массовое сознание приведёт к внутренней нестабильности в этих странах, противоречии внутри политической элиты, в результате в информационном и политическом пространстве может появиться пустота, которую могут заполнить радикально настроенные националистические силы (Пылев А.И., 2017). Это приведёт к дестабилизации среднеазиатского пространства. Но тут может появиться такой региональный игрок, как Иран, уже имея свою концепцию исламского общества и обладая самостоятельностью как к России, так и к Западу.

В среднеазиатском пространстве могут сталкиваться интересы России и Ирана, ведь именно в этом точке Россия хочет сохранить своё влияние, а

Иран вернуть. Иран стремится играть здесь роль регионального лидера.

К сожалению, российский истеблишмент явно недооценивает концепцию "мягкой силы" по отношению к бывшим советским республикам, в отличие от Ирана, который вкладывает средства в местные СМИ, образование и культурные проекты (Курылев К.П. "Мягкая сила", 2017, с. 47). Заметно стремление Ирана к развитию связей и укреплению влияния в среднеазиатских республиках путём сотрудничества в области культуры и образования, пропаганды персидского языка и литературы, а также собирание информации о шиитских общинах на территории государств Средней Азии. Возьмём, к примеру, Киргизию, в которой запущены проекты "мягкой силы" - Иран занимается организацией и финансированием сбора данных о стране в частности и в регионе в целом, также начало работу бишкекское представительство иранского государственного информагентства FarsNews (Президент Ирана ..., 2016). В высших учебных заведениях среднеазиатских государств были открыты кафедры по изучению персидского языка, самые разнообразные отделения и специальности, которые ориентированы на изучение ИРИ. В Ташкенте, например, давно изучают персидский язык. В Туркменистане персидский язык преподаётся в университете имени Махтума Кули, и количество учащихся, делающих свой выбор в пользу изучения персидского языка в этом вузе постоянно растёт. В Казахстане персидский язык преподают в четырёх университетах: в Казахском национальном университете имени аль-Фараби, Казахском университете международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматинском институте международной журналистики и Международном казахско-турецком университете имени Ходжи Ахмеда Ясави.

В последнее время учебный процесс на кафедрах персидского языка в вузах и школах стран Средней Азии стал поддерживаться Ираном, в частности, Тегеран обеспечивает необходимыми учебно-методическими и техническими средствами, направляет специалистов-преподавателей персидского языка в учебные заведения, организует курсы повышения квалификации и стажировки для преподавателей и языковую практику для студентов («Мягкая сила» Ирана ..., 2017).

Пока мигранты едут в Россию за заработками, но в связи с падением рубля появилась тенденция к оттоку мигрантов, из-за ослабления экономики России падает её привлекательность, а это значит, что может произойти переориентация на укрепляющего свою экономику Иран, где мигранты будут питаться уже другими культурно-идейными устоями, и при всём этом, это никак не повысит уровень социально-политического напряжения внутри стран региона (Алили А., 2017). Также немаловажным преимуществом Ирана для стран Среднеазиатского региона является удобный и кратчайший выход для этих стран к Индийскому океану (Зокирзода Ф.Б., 2018).

Иран активно использует предлог содействия становления рыночной экономики, создавая при этом условия для проникновения иранского капитала в страны постсоветов. Например, Иран уже является одним из основных, если не главным строителем ряда ГЭС в Таджикистане, от которых в своё время некоторые российские компании отказались (Ганиев Т.А., 2014).

Усиление Ирана как энергетической державы

Россия не может не реагировать на то, что Иран имеет существенное количество нефти и газа на своей территории. В сфере газа у России возникает с Ираном тупиковая ситуация: ли-

бо войти в долю от иранской добычи газа и открыть для себя южноазиатские рынки, но при этом не допускать поставок иранского "голубого топлива" на главный рынок российского газа - в Европу. Иранские углеводороды подрывают монополию России в Европе, так как главный интерес связан с возвращением на европейский рынок после снятия санкций и создают препятствия на пути завоевания азиатских рынков, а в отношениях, например с Китаем у Ирана итак очень тёплые отношения. Учитывая санкции со стороны ЕС и США, политика России поставила в приоритет так называемый разворот на Восток, к Азии, но отсюда тоже вытекают такие проблемы, как вложение инвестиций для перенаправления потоков газа на азиатский рынок. Но в тоже время, из-за кризиса в отношениях между ЕС и Россией, со стороны ЕС актуализировались усилия по импорту иранского газа, что имеет и политическую подоплёку, так как это может ускорить нормализацию ирано-европейского диалога. Достаточно вспомнить, что после снятия с Ирана санкций Тегеран заключил многомиллиардные контракты не с российскими, а с европейскими компаниями (Мирзаян Г., 2019).

Быстрое увеличение объемов иранской нефти на мировом рынке прямо пропорционально скажется на цене сырья. Доход России может упасть из-за снижения цены на нефть и сокращения объема закупок нашей нефти, так как себестоимость добычи нефти в Иране на порядок ниже, чем в России. Также Иран имеет прямой выход к Индийскому океану, при транспортировке энергоресурсов из каспийского региона это даёт Ирану определённые преимущества перед Россией. Иран вряд ли много потеряет, если у него не получится освоить европейский рынок, так как у него есть азиатский рынок. В такой же ситуации, учитывая отсутствие азиатских рынков в

орбите Газпрома, России есть что терять (*Российско-иранские отношения, 2015, с. 36*).

Исходя из вышеописанных вызовов и вытекающих из них рисков политики России по отношению к Ирану, вырисовывается следующего рода сценарий развития отношений стран в малосрочной перспективе - политика России по отношению к Ирану будет выстраиваться по такой формуле, как "прагматическое партнёрство в определённый промежуток времени и в определённом пространстве". Это значит, что позитивный диалог соответствует интересам Москвы, но российское правительство внимательно следит, чтобы развитие отношений не достигло того уровня, на котором мог бы представлять угрозу для диалога с другими странами. Поэтому формирование альянса не в интересах Москвы, поскольку это будет вредить диалогу с Израилем и Саудовской Аравией.

Заключение

Последние события в мире создают предпосылки для партнёрства с Ираном. Особенно это касается Сирии - страны имеют общую угрозу, а также имеют средства для её предотвращения, это даёт понимание нужды во взаимодействии в этой сфере. Однако это взаимодействие носит ситуативный характер - как реакция на возникающие кризисные ситуации при отсутствии согласованной программы действий на долгосрочную перспективу. Россия рассматривает Иран как площадку для расширения своей экспортной базы вооружений. Возможности российской конкурентоспособности на рынке Ирана невелики. Исключения составляют военно-промышленный комплекс, железнодорожное строительство, электрификация и модернизация иранских железных дорог, атомная энергетика. На эти сферы и необходимо сделать упор. Совместными усилиями, помимо Сирии, будет осу-

шествовать противодействие экстремизму на важном для России направлении - постсоветском пространстве, в частности в Средней Азии. В связи с усилением Ирана как энергетической державы будет развиваться с новой силой конкуренция на рынках нефти и газа.

Литература

1. Млечин Л.М. В поисках утраченного величия. Иран, ядерное оружие и Ближний Восток. - СПб: БХВ - Петербург, 2014. 529 с.
2. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами /-М.: ЗАО Издательство Центр-полиграф, 2016. 415 с.
3. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с.
4. Сингапурское чудо: Ли Куан Ю / Москва: Издательство АСТ, 2016. 288 с.
5. Курьев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. "Мягкая сила" культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46-55.
6. Мирзаян Г. Узоры персидского ковра // Эксперт. № 44. 2015. С.17-22.
7. Алили А. Соперничество Ирана и Турции в Центральной Азии растет (2017). Режим доступа: <http://ru.echo.az/?p=8256>
8. Ганиев Т.А. Региональная политика Ирана на постсоветском пространстве (2014). Режим доступа: <http://csef.ru/ru/politica-igeopolitica/484/regionalnaya-politika-irana-na-postsovetskom-prostranstve-4207>
9. Зокирзода Ф.Б., Курныкин О.Ю. Иран: практика использования «мягкой силы» в Центральной Азии (2018). Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4806>
10. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) (2016). Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
11. Мирзаян Г. Зачем России сдавать Иран (2019). Режим доступа: <http://www.imperiyanews.ru/details/17875383-8683-e911-8101-020c5d00406e>
12. «Мягкая сила» Ирана в Центральной Азии: беседа аналитиков Bilig Brains (2017). Режим доступа: <http://www.ca-portal.ru/article:37328>
13. Президент Ирана завершил среднеазиатское турне (2016). Режим доступа: <http://www.stanradar.com/news/full/23412->

prezident-irana-zavershil-sredneaziatskoe-turne.html

14. Противоречия России и Ирана по Сирии (2017). Режим доступа: http://sol.ru/news/show/protivorechiya_rossii_i_irana_po_sirii
15. Прошкин И. Россия и Иран: транскаспийское сотрудничество во имя безопасности региона (2015). Режим доступа: <http://www.putin-today.ru/archives/16155>
16. Пылев А.И. Иран и Россия как стратегические союзники: история и современное положение (2017). Режим доступа: http://cge.evrazia.org/islam_2.shtml
17. Российско-иранские отношения (2017). Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/maps/ir/?currentpage=main-country>
18. Россия, Иран и Азербайджан призвали мир присоединиться к борьбе с террором (2016). Режим доступа: <http://vz.ru/news/2016/8/8/825675.html>
19. Россия понимает третий шаг Ирана по ядерной сделке, хотя эти действия не помогут нормализовать ситуацию (2019). Режим доступа: https://www.iran.ru/news/politics/113916/Rossiya_ponimaet_tretiy_shag_Irana_po_yadernoy_sdelke_hotya_eti_deystviya_ne_pomogut_normalizovat_situaciyu
20. Тренин Д. Россия и Иран: недоверие в прошлом и сотрудничество в настоящем (2016). Режим доступа: <http://carnegie.ru/2016/09/08/ru-pub-64508>

References

1. Mlechin L.M. (2014). V poiskah utrachennogo velichiya. Iran, yadernoe oruzhie i Blizhnij Vostok [In search of lost greatness. Iran, nuclear weapons, and the middle East]. SPb: BHV - Peterburg. P. 529.
2. Primakov E.M. (2016). Konfidental'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami [Confidentially: the middle East on stage and behind the scenes] /-М.: ЗАО Izdatel'stvo Centr-poligraf. P. 415.
3. Rossijsko-iranskie otnosheniya. Problemy i perspektivy (2015) / Pod red. E.V. Dunaevoy, V.I. Sazhina [Russian-Iranian relations. Problems and prospects / Under the editorship of E. V. Dunaeva, V. I. Sazhin] — М.: IV RAN. P. 260.
4. Singapurskoe chudo: Li Kuan YU (2016). [the Singapore miracle: Lee Kuan Yew]/ Moskva: Izdatel'stvo AST. P. 288.
5. Kurylev K.P., Nikulin M.A., Goncharova A.A. (2017) "Myagkaya sila" kul'turnoj diplomatii Islamskoj Respubliki Iran ["Soft power" of cultural diplomacy of the Islamic Republic of Iran] Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow state regional University. Series: History and political science], № 2, P. 46-55.

6. Mirzayan G. (2015.) Uzory persidskogo kovra [The patterns of the Persian carpet] Ekspert [Expert]. № 44, P.17-22.
7. Alili A. Sopernichestvo Irana i Turcii v Central'noj Azii rastet [Iran-Turkey Rivalry in Central Asia is growing] (2017). Available at: <http://ru.echo.az/?p=8256>
8. Ganiev T.A. Regional'naya politika Irana na postsovetском prostranstve [Regional policy of Iran in the post-Soviet space] (2014). Available at: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/484/regionalnaya-politika-irana-na-postsovetском-prostranstve-4207>
9. Zokirzoda F.B., Kurnykin O.YU. Iran: praktika ispol'zovaniya «myagkoj sily» v Central'noj Azii [Iran: the practice of using "soft power" in Central Asia] (2018). Available at: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4806>
10. Konceptiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena prezidentom RF V.V. Putiny 30 noyabrya 2016 g.) [the Concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by Russian President Vladimir Putin on November 30, 2016)] (2016). Available at: http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
11. Mirzayan G. Zachem Rossii sdavat' Iran [Why Russia should surrender Iran] (2019) Available at: <http://www.imperiyane.ws/details/17875383-8683-e911-8101-020c5d00406e>
12. «Myagkaya sila» Irana v Central'noj Azii: beseda analitikov Bilig Brains ["Soft power" of Iran in Central Asia: a conversation of analysts Bilig Brains] (2017). Available at: <http://www.ca-portal.ru/article:37328>
13. Prezident Irana zavershil sredneaziatskoe turne [the President of Iran has completed a Central Asian tour] (2016). Available at: <http://www.stanradar.com/news/full/23412->
- prezident-irana-zavershil-sredneaziatskoe-turne.html
14. Protivorechiya Rossii i Irana po Sirii [Contradictions between Russia and Iran on Syria] (2017). Available at: http://so-l.ru/news/show/protivorechiya_rossii_i_irana_po_sirii
15. Proshkin I. Rossiya i Iran: transkaspiskoe sotrudnichestvo vo imya bezopasnosti regiona [Russia and Iran: TRANS-Caspian cooperation for regional security] (2015). Available at: <http://www.putin-today.ru/archives/16155>
16. Pylev A.I. Iran i Rossiya kak strategicheskie soyuzniki: istoriya i sovremennoe polozhenie [Iran and Russia as strategic allies: history and current situation] (2017). Available at: http://cge.evrazia.org/islam_2.shtml
17. Rossijsko-iranskie otnosheniya [Russian-Iranian relations] (2017). Available at: <http://www.mid.ru/ru/maps/ir/?currentpage=main-country>
18. Rossiya, Iran i Azerbajdzhan prizvali mir prisoeinit'sya k bor'be s terrorom [Russia, Iran and Azerbaijan called on the world to join the fight against terror] (2016). Available at: <http://vz.ru/news/2016/8/8/825675.html>
19. Rossiya ponimaet tretij shag Irana po yadernoj sdelke, hotya eti dejstviya ne pomogut normalizovat' situaciyu [Russia understands Iran's third step on the nuclear deal, although these actions will not help normalize the situation] (2019). Available at: https://www.iran.ru/news/politics/113916/Rossiya_ponimaet_tretiy_shag_Irana_po_yadernoj_sdelke_hotya_eti_deystviya_ne_pomogut_normalizovat_situaciyu
20. Trenin D. Rossiya i Iran: nedoverie v proshlom i sotrudnichestvo v nastoyashchem [Russia and Iran: distrust in the past and cooperation in the present] (2016). Available at: <http://carnegie.ru/2016/09/08/ru-pub-64508>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шановалова Анна Михайловна, кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: annafedu@gmail.com

Сальников Артём Владимирович, специалист по учебно-методической работе Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: artem.salnikov.94@mail.ru

Shapovalova Anna Mikhailovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional studies, Southern Federal University
E-mail: annafedu@gmail.com

Salnikov Artem Vladimirovich, Specialist in educational and methodical work, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
E-mail: artem.salnikov.94@mail.ru

Поступила в редакцию 18 апреля 2019 г.

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1. Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – 1 авторский лист (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25. 40 % из них – иностранные источники. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация <i>Название организации</i> <i>Город</i> <i>Страна</i> <i>Необходимо давать полное название организации, без сокращений или аббревиатур; аббревиатура организации может быть указана после ее полного названия; не следует писать приставки, определяющие статус организации</i>
Аннотация <i>(объем от 200 до 300 слов)</i> <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах,</i>

<i>выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, <i>(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.</i> Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке <i>Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).</i> <i>Личные имена, включенные в название организации, на английском языке пишутся перед основным названием организации, а не после него</i>
Аннотация на английском языке <i>(объем от 200 до 300 слов)</i> <i>Содержит информацию о предпосылках исследования, цели, структуре, методах, выводах и предположение о дальнейшей работе</i>
Ключевые слова на английском языке <i>Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой</i>
Основные положения на английском языке <i>Отражают ключевые результаты исследования, основное содержание статьи, изложенные тезисно и оформленные в виде 3–5 пунктов маркированного списка</i>

Общие требования к структуре статьи

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Статья должна быть написана в соответствии с общепринятым международным форматом – **IMRaD** (Introduction, Methods, Results, and Discussion).

Каждый раздел статьи отвечает на определенные вопросы.

Введение (Introduction)	Какой проблеме посвящено исследование? Введение должно определять суть проблемы (о чем именно идет речь), указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования
Методы (теоретические основы) (Materials and Methods (Theoretical basis))	Как изучалась проблема?
Результаты (Results)	Каковы основные находки или даже открытия? Эта часть представляет результаты исследова-

	ния в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов
Обсуждение (Discussion)	Что означают полученные результаты? Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой
Заключение (Conclusion)	Обобщите результат и его значение, опишите последствия и практическое применение исследования, дайте возможные рекомендации
Благодарности (Acknowledgments)	Ссылка на грант (при наличии)
Список использованных источников (References)	

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис, 2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в АРА-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе транслитерационного стандарта **BGN**.

Рекомендуем авторам воспользоваться ресурсом <http://www.translitteration.com/transliteration/en/russian/bgn-pcgn/> для перевода русскоязычного текста на латиницу.

Примерная структура библиографической ссылки на латинице:

- авторы (транслитерация);
- год (в круглых скобках);

- название работы в транслитерированном варианте;
- [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках];
- название русскоязычного источника (транслитерация курсивом);
- [перевод названия источника на английский язык в квадратных скобках (для журналов требуется)];
- выходные данные с обозначениями на английском языке (город, издательство).

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Заглавие транслитерация [перевод заглавия]*. Место издания: Издательство транслитерация.

Marshak, A.L. (2007). *Sotsiologiya kul'turno-dukhovnoy sfery* [Sociology of cultural and spiritual sphere]. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ. (in Russian).

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Заглавие транслитерация [перевод заглавия]*. Название журнала транслитерация [перевод названия журнала], номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) *Obrazovanie – potentsial sotsiokul'turnoy transformatsii rossiyskogo obshchestva* [Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 4, 84-96. (in Russian).

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Заглавие транслитерация [перевод заглавия]*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development* [Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development]. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Заглавие транслит [перевод заглавия]*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Rossiya – novaya Sotsial'naya real'nost'. Bogatye. Bednye. Sredniy klass* [Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class]. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Заглавие транслитерация [перевод заглавия]*. In *Название конференции транслитерация* [название конференции перевод]: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *K probleme marginal'nosti i kul'tury v sovremennoy Rossii* [To the problem of marginality and culture in modern Russia] In *Sotsiologicheskiy diagnoz kul'tury rossiyskogo obshchestva vtoroy poloviny XIX – nachala XXI v.* [Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century]: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.